

22 СЛОЯ
БЕСКОНЕЧНОСТЬ,
ПЛЮС-МИНУС

Демон-Гор

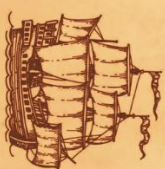

Риджит

Хикорикуге

Емпириония

Иортгайн

И
П
П
В
Н
Я
П

22 Слая

Бесконечность, плюс-минус; — 22 Слая, Издательство «Эхоедоед», 2025. — 397 с.

Мия — лишь малая часть новообразовавшегося мира, где некоторые люди способны реализовывать мысли, материки изолированы друг от друга, а по небу раскиданы неподвижные цветные тучи, являющиеся загадкой для каждого на планете. Не доверяя ни своему хозяину, ни себе самой, Мия верит лишь шепоту в голове, который всё твердит, что этот жаркий мегаполис её обязательно съест. Здесь ей и предстоит найти или потерять себя.

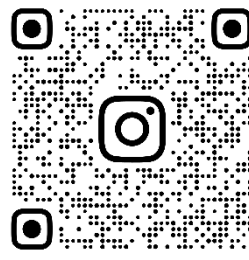
В момент, когда Мие кажется, что её смысл вот-вот угаснет под горящим солнцем, ей представляется шанс. Небольшой шанс на «жизнь» вместо сотен гарантий «существования».

Эта книга о мечтателях: свободных и готовых идти на риск ради того, чтобы ощутить вдохновение. Она о писателях, музыкантах, художниках, инженерах и всех, кто смог найти свой мотив. О них, и тех, кто таких людей всей душой ненавидит.

МОЯ ВСЕЛЕННАЯ

МОЙ INSTAGRAM

22_LAYERS_OF_ME

© 2025 by 22 Layers. All rights reserved.
©Перевод на Йетрагге-янтэ издательство ООО «Эхоедоед», 2025

Права на издание получены по соглашению с 22 layers. Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в Дамон-Тарре в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельца авторских прав.

ООО «Эхоедоед», Эмирония, Мейярф, северная сторона 3, площадь 2/2Н, ул. Почтения и пороха 1|22|1

22 СЛЮЯ

БЕСКОНЕЧНОСТЬ, ПЛЮС-МИНУС

(ОТРЫВОК ДЛЯ ОЗНАКОМЛЕНИЯ)

**ЭТА КНИГА — ПЕРВАЯ ИСТОРИЯ ОСНОВНОГО ЦИКЛА. НИЖЕ ВЫ НАЙДЕТЕ
ПЕРЕЧЕНЬ КЛЮЧЕВЫХ СОБЫТИЙ ВСЕЛЕННОЙ В ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ
ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ.**

1. АМАЛЬГАМА

1-ЫЙ ГОД НОВОЙ ЭПОХИ

ПРОЦЕСС, КОТОРЫМ НАЗЫВАЮТ СЛИЯНИЕ ЧЕТЫРЕХ РАЗНЫХ НЕБЕСНЫХ ТЕЛ, ПРИВЕДШИЙ К ПОЯВЛЕНИЮ НОВОЙ ПЛАНЕТЫ, КОТОРАЯ НАЗЫВАЕТСЯ ВИОЛАНДО.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА ЛИДЕРОВ СТРАН КАК СЕВЕРНОГО, ТАК И ЗАПАДНОГО МАТЕРИКОВ, НА КОТОРОЙ ОПРЕДЕЛЯЛИСЬ КЛЮЧЕВЫЕ ВОПРОСЫ СОТРУДНИЧЕСТВА И СОСУЩЕСТВОВАНИЯ В РАМКАХ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА.

2. ПЕРВОЕ ЦЕЛЬНОЕ

6-ОЙ ГОД НОВОЙ ЭПОХИ

3. СКРЕЖЕТ

48-ОЙ ГОД НОВОЙ ЭПОХИ

АНОМАЛЬНОЕ СОБЫТИЕ МИРОВОГО МАСШТАБА, ПРИВЕДШЕЕ КАК К ГИБЕЛИ БОЛЬШОЙ ЧАСТИ НАСЕЛЕНИЯ, ТАК И К ПОЯВЛЕНИЮ У НЕКОТОРЫХ ЛЮДЕЙ НОВОГО ВИДА ЭНЕРГИИ, НАЗЫВАЕМОГО АМАРАНТИНОМ.

ВТОРОЕ ПО СЧЕТУ СОБРАНИЕ БОЛЬШЕЙ ЧАСТИ МИРОВЫХ ЛИДЕРОВ, НА КОТОРОМ ОБСУЖДАЛИСЬ ВОПРОСЫ ПОСЛЕДСТВИЙ СКРЕЖЕТА, САМОЙ ПРИРОДЫ АМАРАНТИНА И ОТНОШЕНИЯ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА К ЕГО НОСИТЕЛЯМ.

4. ВТОРОЕ ЦЕЛЬНОЕ

48-ОЙ ГОД НОВОЙ ЭПОХИ

**5. МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ
КОЛОКОЛЬЧИК**

49-ОЙ ГОД НОВОЙ ЭПОХИ

МОЯ ВТОРАЯ КНИГА. ЭТО ПРОИЗВЕДЕНИЕ — ОТВЕТВЛЕНИЕ ОТ ОСНОВНОГО СЮЖЕТА И ЕГО МОЖНО ЧИТАТЬ БЕЗ ПРИВЯЗКИ К ДРУГИМ КНИГАМ.

НА ЮГЕ СТЕОКСА ЗАВЕРШАЕТСЯ СТРОИТЕЛЬСТВО ЗАМКА, КОТОРЫЙ СТАНОВИТСЯ ДОМОМ ДЛЯ ПЕРВЫХ ЖИТЕЛЕЙ.

6. ОРТОРУС

50-ЫЙ ГОД НОВОЙ ЭПОХИ

**7. БЕСКОНЕЧНОСТЬ,
ПЛЮС-МИНУС**

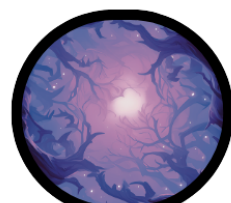

54-ЫЙ ГОД НОВОЙ ЭПОХИ

МОЯ ПЕРВАЯ КНИГА. ПЕРВАЯ ИСТОРИЯ, КОТОРАЯ СВЯЗАНА С ОСНОВНЫМ ЦИКЛОМ. ПОМОГАЕТ ЛУЧШЕ ПОНЯТЬ КОНЦЕПЦИЮ МИРА И СОБЫТИЯ ДРУГИХ РАССКАЗОВ.

МОЯ ТРЕТЬЯ КНИГА. ЭТА ИСТОРИЯ — ОТВЕТВЛЕНИЕ ОТ ОСНОВНОГО СЮЖЕТА И ЕГО МОЖНО ЧИТАТЬ БЕЗ ПРИВЯЗКИ К ДРУГИМ КНИГАМ.

**8. ТРАУР/ПРАЗДНИК
В СЕМИ ЦВЕТАХ**

55-ЫЙ ГОД НОВОЙ ЭПОХИ

БУДУЩЕЕ ТВОРЧЕСТВО
ИСТОРИИ, КОТОРЫЕ ОТКРОЮТСЯ СЛОЙ ЗА СЛОЕМ.

Терсида

Солнечные эпизоды важны.

Они рассказывают о простом, без которого не бывает важного.

Это обычные дни, что создают основу истории.

Без них были бы только чувства без смысла.

О смысле люди читают до наступления темноты.

Йеталь

Лунные эпизоды очаровательны.

Они гармонируют с музыкой и умеют задевать.

Если получается, их не трогают, пока солнце не спрячется.

Потому что ночью появляется сокровенное, что ведёт за собой.

А в нём — и сами мы.

Глава 1. ЖЕЛТИЗНА

— Вы намного хуже душегубов. Подобные вам сразу откусывают руку своего друга по локоть. Быть эгоистом и жить вопреки всем нам — это можно назвать целью? Нет, это невозможно и противостоестественно. Именно поэтому вы виновны безоговорочно и безусловно. Вы виновны навсегда.

Спокойный мужской голос вещал. Рупоры, словно проводники размеренной речи, доносили до каждого правду. Тот самый спелый плод правды, от которого нельзя отказаться, умеренно сладкий, возведённый в истину. Иначе говоря — подлинный, самый настоящий и сочный среди всех других сортов. Нужно было иметь талант, чтобы передать его исключительный вкус. Этот голос, узнаваемый каждым жителем города, имел что-то притягательное и изумительное, сравнимое с даром. Он никогда не звучал на повышенных тонах и всегда оставался прав: не только для себя — для подавляющего большинства. На фоне тихой оркестровой музыки слышался диалог, напоминающий не критику действий, а разговор двух единомышленников. Рупоры, висающие на высоких столбах, позволяли насладиться беседой любому прохожему. Слушать или закрыть ладонями уши — дело каждого, но главное, что у него есть выбор.

— Вы ведь понимаете, господин Тóкир, что это огромная ошибка с вашей стороны? Понимаете всю опасность, которой могли подвергнуть наш город, правда? Сейчас вы берёте на себя ответственность, а завтра ваше изобретение приводит к трагичным

последствиям. Кому вы будете доказывать то, что это несчастный случай? Родственникам жертв? Обездоленным? Пострадавшим?

— Я вас прекрасно понимаю, — усталым и куда менее уверенным голосом согласился собеседник. — Прекрасно понимаю, о чём вы говорите, господин Мэндакс.

— Ваш поступок очерняет не только ваше имя, господин Токир. Вы — муж, отец и сын. Вы, в конце концов, механик. Не учёный, дорогой мой, не изобретатель, а механик. Вы знаете, что это значит?

— Что нечего искать в области, для которой я не создан. Это ошибка, которую я смог осознать только сейчас.

— Верно, верно! — кающемуся начали было аплодировать, но решили, что и пары хлопков будет достаточно. — У нас есть учёные, вы это знаете. Они занимаются своим делом, а вы — своим. Несложно запомнить.

— Да, совсем несложно.

— Ведь поймите, я говорю с вами, и сердце сжимается. Не хочется, чтобы вы погубили своё будущее. Вы — замечательный механик, благодаря вам наш Меййрф сохраняет свет даже ночью. Вот только не пытайтесь сделать наш город ярче, просто поддерживайте в нём свет. В противном случае это может кончиться тем, что мы сожжём сами себя.

— Прекрасно понимаю ваш посыл, — с трепетом в голосе согласился обвиняемый.

— Значит понимаете и глубину своей вины. Признаёте, что ответственны перед всеми нами? Перед каждым жителем Меййрфа, который мог бы пострадать от ваших опытов. Вы опасны, а ваши действия, не побоюсь этого слова, порочны.

Теперь голос обвиняемого снова звучал тихо, уверенно, но покорно. Трепет вытеснился стыдом — не обязательно было смотреть на лицо говорящего, чтобы понять это.

— Конечно признаю, мистер Мендакс. Виновен и опозорен. Я говорю это полностью осознанно, — раскаялся обвиняемый. — Лучше уж сейчас, чем никогда.

— Вот здесь вы правы. Правы, как никогда. В таком случае, господин Токир, хотелось бы, чтобы мы оба пошли друг другу навстречу. Вы знаете, что такого рода произвол предусматривает длительный срок заключения. Мы с вами прекрасно понимаем, что из этого следует, — мужчина на время замолчал, будто до самой последней секунды не был уверен, стоит ли ему продолжать. — Но как вы отнесётесь к тому, если Меййрф даст вам шанс?

— Мне... простите?

В голосе обвиняемого слышалось удивление. Никакого восторга, никакой вины. Слово заданный вопрос был невозможным, не вписывался ни в одно существующее правило и не имел права даже прозвучать.

— О каком шансе вы говорите, мистер Мендакс?

— Единственном для вас. Согласитесь ограничиться строгим выговором в обмен на публичное уничтожение этого гадкого изобретения? Это ошибка, и если ваши сожаления искренни, я прошу показать это на деле, перед всеми. Учтите, такое предложение я бы назвал исключительным случаем. В конце концов, вы... муж, отец и сын. Не хотелось бы, чтобы молодой человек ваших лет сгнил в отвратительном месте вроде Мыса Хохотунов¹. Вместе с сумасшедшими, насильниками и другими сумасбродами. Вы можете там оказаться, потому что ваше изобретение — пошлый жест в сторону каждого, кто вас слышит. Я это понимаю, но в то же время мне хочется сказать, что вы этого не заслужили. Вы ошиблись, ведь так? Мне важно понимать, что вы сможете взять контроль над этим мальчишкой-авантюристом внутри вас. Важно, чтобы вы осознали ошибку в полной мере и оградили от неё других молодых людей, которые способны... заблудиться. Я бы хотел, чтобы вы стали примером для тех, кто полагает, что может двигать этот мир вперёд. И если вам действительно есть что сказать, если вы чувствуете вину — просто выскажите всё в микрофон перед вами, господин Токир. Но учтите, я не заставляю вас делать это. Прежде всего — ваше право выбирать.

За несколько секунд никто не сказал и слова. Только дыхание, тихий шум микрофона и оркестровая музыка. Но затем послышался голос человека: напуганного, сломленного, променявшего одну свободу на другую.

— Разрабатывая эту катушку, я думал о создании чего-то, что можно будет назвать движением вперёд. Думал, что это прогресс. Но, к сожалению, пренебрёг тем, что это может оказаться опасностью. Я не учёл ключевой детали: новые идеи очень редко могут быть полезны обществу, которое уже и так стабильно. Особенно если они создаются неквалифицированными в этой сфере людьми. Поэтому я призываю каждого, кто слышит меня, не

¹ Мыс Хохотунов — исправительное учреждение, занимающееся реабилитацией лиц, признанных опасными для общества. В отличие от других учреждений подобного рода, в Мысе Хохотунов занимаются как людьми с небольшими отклонениями, так и совершенно невменяемыми индивидами.

повторять этой ошибки. Не пытаться создавать подобное и не думать, что вы можете двинуть человечество вперёд. Для вас создана самая удобная и короткая дорога к счастливой жизни. Поэтому я даю слово, что с чистым сердцем самолично растопчу свою же ошибку и больше не создам ничего подобного. И благодарю господина Мендакса за... шанс. Шанс жить.

После этих слов ведущий похвалил и даже поблагодарил собеседника. Ещё пара минут болтовни, и вещание закончилось привычными словами: «С вами была станция “Просвещение”. Спасибо за внимание и будьте осторожны».

Как и другие люди, Мия слышала диалог, передаваемый рупорами. Звук просачивался через окна заведений, пробирался в тонкие улочки и даже самые далёкие комнаты домов — важно было, чтобы его мог уловить каждый. Волоча за собой две тележки с чемоданами, она старалась сконцентрироваться на чём угодно, только не на физической усталости. После того, как радиовещание закончилось, Мия задумалась о том, как много людей слышало этот разговор. Десятки рупоров, сотни улиц, тысячи человек и одно солнце над головой — вот он, город-государство, простирающийся на половину континента.

Мейярф, этот огромный и густонаселённый мегаполис, всегда начинал свой день по одной и той же схеме. Стоило только выйти на улицу поутру, как глаза ослеплял целый океан лучей: невидимых, но очень горячих. Звезда над этой частью города казалась нагретой бомбой, которая вот-вот взорвётся и сожжёт всё, до чего сможет дотянуться. Единственный цвет, который мог ассоциироваться с Мейярфом, — жёлтый. Под ногами плавилась дорога, вымощенная кирпичом лимонного цвета, с удовольствием впитывая ту температуру, которую ей дарило светило на небе. Менее крупные улицы покрывал тонкий слой песка, не такой красный, но такой же горячий, как тлеющий уголь. Из-за того, что большинство улиц были широкими, спрятаться в тени удавалось лишь отклонившись от курса и зайдя в какой-то узкий переулок.

Все бродячие собаки здесь были похожи на шакалов, а птицы — на пыльные комки с крыльями. Цветами они не пестрили и редко когда издавали красивые звуки. Обычно это звучало как откашливание песка, попавшего в горло. Самыми цветастыми были редкие деревья, чудом не выцветшие под солнцем.

В этом городе всегда кто-то куда-то шёл. Нёс он ящик на голове, вёз за собой тележки или просто хотел напиться — не важно, ведь он становился частью потока, движущегося по ярко-жёлтому раскалённому покрывалу. В такую жару Мия даже вспомнить не могла, что из себя представляет Мейярф ночью. Она смутно помнила прохладу, приятный холодок песка под ногами и возможность свободно посмотреть на небо. Сейчас это представлялось так расплывчато, словно прошло пару лет, — пропало ощущение реальности, которое она испытала ещё несколько часов назад. Вечер казался даже дальше, чем край этого города.

Единственный способ отвлечься от жары и усталости — занять свои мысли чем-то другим. Каждый раз Мия следовала этому правилу, и зачастую оно помогало: пустые или нет, но мысли позволяли скоротать время по пути к цели.

«Что-то не то. Я точно делаю что-то не то».

Впервые за три флатии² эта мысль в голове пронеслась настолько ярко и целостно. Мия попыталась забыть о тележках с чемоданами, которые машинально тащила за собой, забыть о хозяине и даже палящей жаре. Чтобы хоть ненадолго отвлечься, она подняла голову, но моментально сощурилась и отвернулась. Сейчас смотреть вверх было просто невозможно.

² Флатия — единица измерения времени, равная восьми дням.

До склада Марлеса удалось добраться за час. Ремесленник открыл чемоданы, пересчитал товар и начал выписывать талончик — доказательство, что всё доставлено вовремя и в нужном количестве. Она в который раз отдаст бумажку Заужу, а тот спросит почему так долго. Хоть со всех ног беги, хоть совершенно выбейся из сил, он всё равно отчитает и всучит новый товар. Настолько надоевший круговорот, что от мыслей о нём нахлынула злость.

Обратный путь всегда казался легче, ведь чемоданы оставались пустыми. Можно было позволить себе идти узкими улочками, прячась от солнца под размашистыми крышами невысоких зданий. А там, в тени, появлялся шанс собраться с мыслями и вспомнить что-то важное. Сейчас в голове роилось с десяток разных идей, но ничего цельного, ничего такого, что можно было назвать важным.

«Почти за месяц³ я ни разу не опоздала по-настоящему, — она задумалась и закусила губу. — Хотя и два раза проспала. Даже если не задержусь, Зауж меня отругает. Но разве это важно? Почему я вообще думаю об этом?»

Разум, словно желающий докопаться до правды, пытался из бесполезной пыльной кучи мыслей выудить важные и нужные. Мия не знала, какие вопросы считать важными, а какие нет, не знала, можно ли найти на них ответы и как они должны звучать. Но точно понимала — есть повседневные рутинные мысли, а есть что-то большее. Хотелось откопать в своей голове хотя бы крупицу того, что не связано с работой, желанием поесть и попытками вспомнить прошлое.

Ещё пару шагов, и тень от крыш исчезнет — улочка выведет на всё ту же широкую жёлтую дорогу. Мия остановилась в переулке, приставила ладонь ко лбу, чтобы заслонить глаза от солнца, и посмотрела в небо.

Не так далеко прямо в воздухе уже который день находилось что-то, напоминающее облачный комок. Для настоящего облака он казался невелик, размером с небольшой дом. Словно кусочек тучи оторвался от общей массы и завис в воздухе. Когда на него ни глянь, он оставался на своём месте даже когда небо было кристально-синим. Лишь иногда, если долго всматриваться в этот перистый шар, можно было увидеть, как внутри сверкает что-то, похожее на разноцветные молнии. Неподалёку висело ещё одно облачко, но уже насыщенного янтарного оттенка. А где-то там, вдалеке, пятнышек было больше, но отсюда они казались размером

³ Месяц на материке равен всегда тридцати двум дням и состоит ровно из четырёх флатий.

с крупицу соли. Нельзя было отличить даже цвет — так далеко они находились.

— Но это же не просто тучи, — заверила себя Мия. — Наверно они что-то значат...

Когда все облака плыли, эти маленькие ватные комки оставались неподвижны. Ночью и утром, все эти дни они вызывали любопытство. Словно пазлы из другой, куда более красочной картины. Наверняка даже этот огромный мир, Виоландо⁴, не знал, откуда появилась застывшая красота.

Напрочь забыв о времени, Мия смогла наконец оторвать взгляд и сделать шаг вперёд. Улица вела всех людей плавно, словно имела своё течение. Достаточно было просто следовать ему, чтобы вскоре оказаться дома.

Зайдя в таверну, она не успела сказать ни слова — мужчина её опередил. Не нужно было никакого зрительного контакта, чтобы почувствовать себя виноватой, — достаточно того, с каким упрёком он говорил.

— Почему так долго? Я же дал тебе ровно полтора часа. Ты опоздала на пятнадцать минут, а они играют роль, уж поверь мне. Потому и есть будешь уже вечером.

— Простите, господин Зауж. Я и правда виновата. Зарекаюсь перед Предвечной, что такого больше не повторится.

Поднять голову — значило бросить вызов. Поэтому её взгляд был прикован к полу, а голова наклонена, выражая максимальную покорность. Именно покорность тешила этого человека достаточно, чтобы осуждающий тон в его голосе сменился на другой, чуть более строгий, но гораздо более щадящий.

— Зарекаюсь перед Предвечной, — передразнил мужчина. — Не первый раз замечаю за тобой, что ты зарекаешься перед ней не делать что-то. Ты же даже не знаешь, кто она такая, так зачем мелешь языком? Важны ей, а в первую очередь мне, твои клятвы?

Вопросы остались без ответа — оба понимали, что незачем что-то говорить. Несколько секунд спустя, отполировав один бокал до блеска, мужчина взялся за второй. Лишь после он достал из-под стойки поднос и мотнул головой в его сторону.

— Быстрее иди обедай и принимай новый заказ, — Зауж приподнял бокал и начал рассматривать его на свету, — привезёшь его не в два часа, а в три.

⁴ Виолáндó — название планеты, на которой разворачиваются события книги.

— Да, господин Зауж. Спасибо вам, я мигом, обещаю. Спасибо!

Взяв поднос со стойки, Мия в который раз задумалась, что хозяин таверны — человек действительно важный и занятой. После полудня у него постоянно много людей, а оттого и целая гора забот. Он строгий, но может это его способ справиться с кучей навалившихся дел.

В моменты отдыха он казался Мие не таким уж плохим. Зауж — человек суровый и чересчур требовательный, но вряд ли злой. Пусть его худощавое вытянутое лицо выглядело уставшим и невесёлым, но ничего отталкивающего в нём не было. Наконец, она выбросила отвлекающие мысли из головы и поднялась в свою комнату.

* * *

В таких коробках как её комната, люди должны умирать, а не жить. Мия не представляла как должны выглядеть нормальные комнаты в Мейярфе, но злость брала оттого, что Зауж это наверняка знал. Знал и пользовался.

Она практически не чувствовала запаха еды из-за пыли. Место, где Мия жила, было загромождено десятком сваленных сервантов и горой старой посуды. Чтобы прибраться здесь, нужны были минимум несколько дней кропотливой работы. Зауж с этим не спешил, а у самой Мии после рабочего дня просто не оставалось сил. За всеми этими сервантами, в самом конце помещения находилась кровать, и это было единственное место, куда широкий слой пыли ещё не добрался — Мия прикрывала его куском ткани перед уходом.

Она обедала на поваленном шкафу, который успел стать и столом, и в то же время местом для сидения. Вилка проткнула разваренную картошку, уткнувшись своими зубцами в твёрдое стекло. Мия давила совсем не сильно, боясь повредить посуду, но вложила в этот тихий удар всю скверну своего настроения.

«Отвратительный вкус. Отвратительные условия. Я делаю что-то не то. Неправильно».

Эти мысли были навязчивы и ядовиты. Порыв злобы, которую попросту некуда выплеснуть.

«Почему он игнорирует мои вопросы? Отвратительный человек. Отвратительный!».

Изо дня в день было страшно поднять голову и задать хоть какой-то вопрос, не связанный с работой. Когда они только познакомились, Зауж дал понять, что можно следовать только его правилам. Любая фраза и любое действие, выходящее за рамки прямого послушания, провоцировало циничный, абсолютно унижающий взгляд хозяина, словно он говорил с умалишённой. Мия редко задавала вопросы, а Зауж на них очень неохотно отвечал. Отвечал так, словно даже попытка узнать что-то новое является чем-то мерзким и неуместным для такого примитивного человека, как она. Мужчина видел, что колесо, в которое он её усадил, работало, стоит лишь предложить дом и еду.

Взрыв эмоций победил. Стиснув зубы, Мия поставила тарелку на упавший сервант, сжала кулаки и вышла из комнаты. Спустившись на первый этаж, она готова была обратиться к нему с прямым вопросом, который человек имеет право задать другому человеку.

«Что за странные облака летают в небе?»

Людей на первом этаже сидело много, как и в любой другой день, когда время приближалось к полудню.

«Нужно спросить так, чтобы услышал только он, — пронеслось в голове. — Так и сделаю. Это простой вопрос, нельзя же наказывать человека за простое любопытство. Он-то ведь наверняка знает ответ. Это не так сложно».

Пара шагов, и она оказалась перед владельцем заведения, который болтал с одним из посетителей. Хозяин обратил внимание и вопросительно поднял брови.

«Но если он разозлится, то может лишить меня еды. Или выгнать на улицу. У него совсем не добрые глаза. Он мне не поможет. Если я спрошу об этом ещё раз, то он разозлится. Наверняка разозлится».

— Мия, если тебе что-то нужно, то спрашивай немедленно.

«Чужой человек. Он спрячет знания любой ценой. Враг не ответит мне, — сейчас она непоколебимо была уверена в этой истине. — Ни сегодня, ни когда-либо».

Трусость взяла верх и в ответ получилось только промямлить:

— Могу я взять ещё стакан воды, пожалуйста? Мне нечем запивать.

Мужчина тут же перевёл взгляд на собеседника и продолжил говорить, машинально нащупывая стакан и наполняя его водой из бутылки. Зауж не оторвал свой взгляд от собеседника и тогда, когда протянул Мие полный стакан воды. Та поблагодарила его, а потом тихо, словно ветерок, вернулась в свою комнату на втором этаже.

После обеда нужно было доставить следующий груз, и так до вечера, пока не стемнеет. Мия это знала, поэтому растягивала трапезу как могла. Закончив, она перевела взгляд на своё левое предплечье, где находилась стигма чёрного цвета — символ её покорности и принадлежности. Любопытство, променянное на еду, и разум, отданный за тёплые ночи. Как бы ни хотелось полноценной жизни, без крыши над головой и еды долго не протянуть. Потому сначала существовать, а только потом жить. Это кардинально разные понятия, но для Мии они работали именно в таком порядке.

— Важно просто оставаться на плаву, — выдохнула она. — Просто быть. Ничего не изменится, узнай я, для чего нужны эти тучи.

Последний глоток воды, и снова работа.

Следующий адресат находился дальше, чем предыдущий, а чемоданы были ощутимо тяжелее. Неважно. Забивая голову мыслями, можно пройти хоть десятки улиц, пока эти мысли не выветрятся из головы.

«Нужно убить в себе эту наглость».

Это правило прочнее и прочнее заседало в голове.

«Задушить на корню, иначе я останусь без еды и дома. Сейчас всё не так плохо, как может стать. Он бы точно разозлился из-за моего вопроса. Точно бы разозлился».

Доставив груз и получив талончик, она возвращалась всё с тем же вихрем мыслей в голове: обещания крутились вместе с клятвами не делать что-то, злость смешивалась со страхом, не давая прийти к какому-то конкретному решению.

Мия остановилась. В паре шагов от неё находилась книжная лавка, украшенная множеством резных табличек. Она не мешкала, достаточно было просто увидеть заставленные полки и стеллажи. В помещении не было покупателей, лишь два торговца занимались своими делами. Старик протирал пыль с полок, а тот, что помоложе,

со скучающим видом читал один из журналов. И снова, когда нужно было с кем-то заговорить, ощущались неловкость и страх. Чаще всего приходилось общаться с Заужем, но тот никогда не шёл на контакт. Сейчас перед ней сидел не такой хмурый и не такой сердитый мужчина, с более добрым, хоть и унылым взглядом. Едва-едва, потратив несколько секунд на то, чтобы побороть себя, Мия подошла к нему и спросила:

— Добрый день! Извините. У вас есть какие-то книги о... вот тех...

— она показала вверх, словно крыша здания была прозрачной. — Облаках? Этих маленьких тучах, которые никогда не исчезают.

Продавец призадумался, затем кивнул и встал, направившись к одной из полок. Свой журнал он забрал с собой, используя указательный палец как закладку. Недолго поискав, он достал одну книжку и положил её перед Мией. Не швырнул, а именно аккуратно положил. Та заметила это и в благодарность кивнула.

— Самая простая. Остальные посложнее, да и не факт, что правда. Эти облака мало кто изучает, поэтому на страницах куча теории и сложных слов. Думаю, тебе они не нужны.

— А сколько она стоит?

— Один триптих. Не так и много, для такой-то книги.

За месяц пребывания в Мейярфе разобраться с местной денежной системой совсем не получилось. Посетители таверны Заужа заказывали еду, тратя только треугольные монетки — этюды. Лишь единожды на её памяти полноватый мужчина заказал уйму еды и расплатился квадратными монетами, но Мия не знала, как те называются. Эти квадраты, наверно, и были триптихами, но спрашивать о таком и выглядеть глупой не хотелось.

Она кивнула, открыла книжку и начала листать страницы. Часто попадались картинки: согласно им, облака бывали красные и зелёные, бывали даже огромные чёрные облака, словно сгусток дёгтя. Текст же был сложным для понимания. Мия могла читать буквы по отдельности, могла даже понимать короткие написанные слова, но язык совершенно не выглядел родным и понятным. Большинство букв выглядели незнакомыми и даже их произношение вызывало трудности. В устной речи всё было проще, но длинные предложения, связанные между собой грамматическими конструкциями, казались непосильными для восприятия. На картинки хотелось смотреть часами, но приходилось быстро пролистывать страницы, чтобы увидеть как можно больше.

— Покупаешь? — вернул её к реальности голос продавца.

Пальцы неуверенно перелистнули ещё пару страниц и закрыли книгу.

— Я... Я ещё зайду. Потом. Пока что не хватает денег. Спасибо огромное и, — замешкалась она, — чудесного вам дня.

Торговец улыбнулся и кивнул, после чего продолжил читать свой журнал. Домой нужно было добраться как можно скорее.

Почти в самом конце пути, когда идти оставалось не больше пяти минут, все рутинные мысли исчезли, словно мимо промчалось торнадо и забрало их с собой. В её голове появился образ, который приходил и до этого. Каждый раз это пугало, потому что только он появлялся, как пропадало зрение и слух. Очень резко всё вокруг становилось одного тона, каждый раз разного. Не удавалось увидеть ни своё тело, ни что-то ещё. В этом пространстве существовал только шёпот и глаза яркого жёлтого цвета. Они не были похожими на человеческие и вообще не имели постоянной формы. В них легче было рассмотреть играющий огонь от двух костров, чем что-то ещё.

Шёпот этот приходил несколько раз до этого, но всегда ночью. Сейчас же он забрал Мию себе посреди дня. Забрал и практически сразу отпустил. Не сказал ни слова, не поделился каким-то образом и даже не изменил форму. Показал ей яркий жёлтый цвет и исчез.

Восприятие реальности стало прежним: слух и зрение вернулись. Мия пришла в себя и осмотрелась — ни одного удивлённого взгляда. Каждый человек куда-то шёл, что-то делал или с кем-то говорил, но не обращал на неё внимания. Ручки телег всё ещё были в руках.

Каждый раз, когда шёпот давал о себе знать, Мию как прошибало. Она бегом направилась домой, пытаясь не уронить чемоданы с тележек. Зайдя на территорию таверны, Мия обошла здание и оставила их рядом. Здесь, среди коробок, досок и ящиков, всё и началось. Так говорил Зауж. Он заверял, что это место — самое начало.

А шёпот говорил ей о другом. В одну из ночей он показал картину того, как было на самом деле. Всё началось совсем не с ящиков и досок. Жёлтые глаза появились, чтобы напомнить об этом ещё раз.

На протяжении оставшегося дня не раз вспыхивал страх, что они вот-вот появятся опять. Что снова нахлынет это чувство, сковывающее тело и заставляющее чувствовать себя беспомощной. Но день закончился обыденно, без шёпота и без единой стоящей мысли в голове. Словно забирая за собой пламя, вечер крал и

мысли. Тот приятный холодок, который несколько часов назад просто не мог существовать, становился искушителем. Он подговаривал отдыхать, не спешить, спать, только не думать. Под лучами звезды становилось тяжело рассуждать о чём-то, но без них — невозможно. Уже не приходилось маневрировать между огромных куч спешащих куда-то горожан — к вечеру толпы рассасывались, оставались лишь небольшие группки людей. Дома ждал ужин, зачастую гораздо более вкусный, чем завтрак или обед. Он прогонит голод, кровать позволит расслабить мышцы, а сон растопит усталость. От всего плохого вскоре не останется и следа. На следующий день вся эта околесица начнётся заново, но ужин, кровать и сон снова спасут положение.

— Удобная схема, — призналась она сама себе. — Примитивная, отвратительная, но поразительно удобная.

* * *

Одним утром Мия проснулась, боясь сделать хоть шаг из комнаты. Будто шёпот всю ночь твердил ей:

«Ты сгоришь под солнцем. Совсем скоро ты сгоришь под ним!»

Она плохо понимала всё вокруг. Не знала, стоит ли беспрекословно слушаться или идти наперекор, хочется ли чтобы начался новый день или закончился старый. Не понимала как относится к Заужу, что думать об облаках и какой смысл во всём, что лежит за порогом. Хозяину она не верила, а в своих чувствах сомневалась. Всё путалось с каждым днём сильнее и не хватало ни уверенности, ни осознанности, чтобы как-то этому помешать.

Верила только шёпоту, что изредка приходил к ней. Даже себе не получалось объяснить почему верила. Он был страшным, он всегда появлялся неожиданно и ничего о себе не рассказывал, но не врал. Если сказал, что она скоро сгорит, значит так оно, наверно, и будет.

Мия посмотрела на свои кисти: взгляд упал на ногти, затем на форму пальцев, едва заметные мутно-синие ручейки под кожей. Ладони же были расписаны линиями, словно ветками, украшающими дерево и делающими его неповторимым. Взгляд скользил по гравюре, созданной природой, застывая на штрихах этой тяжёлой, неопишимо интересной работы. Она чувствовала

тепло — ту жизнь, которая протекала под кожей, ту энергию, которая казалась горячее, чем полуденная звезда над Мейярфом.

Губы аккуратно коснулись центра ладони. Они, такие тёплые и мягкие, способны ощутить жизнь за тонким слоем кожи. Целая система реакций, целая сеть ручейков из крови. Всё это существует, бьётся и движется, но...

— Зачем? — шепнула Мия в ладонь, словно делилась секретом со своим самым близким другом.

Хотелось произнести что-то ещё, но нужные слова всё никак не приходили на ум. Мысли витали, но им сложно было придать физическую форму: дотронуться языком до зубов, чтобы произнести согласную, или приоткрыть рот шире, чтобы выдать мягкий гласный звук. На ум не приходило подходящих слов и тогда захотелось выразить чувство.

Тягу к просторам Виоландо и стремление забраться на самую высокую крышу, чтобы видеть как можно дальше — вот что хотелось выразить словами. Желание не обращать внимание на жару и отыскать в этом мире снег. Жажду пролить на этот город сильнейший из всех ливней.

В этих желаниях не было преступления. От любого, кто мог бы осудить за них, хотелось бежать. Даже если Мия знала, что не добежит, даже если преодолела бы всего пару шагов. А так бы оно и было, наверняка. Помимо тусклой надежды её опоясали тоска и безнадёжность. Губы тихо-тихо шепнули, несмело, со страхом, но всё же осмеливаясь выразить засевшее в ней чувство.

— Я хочу жить.

— Мия! — раздался снизу громкий мужской голос. — Спускайся быстро!

От одного лишь крика повседневные чувства вернулись на своё место. Она улыбнулась, продолжая смотреть на свою ладонь. Улыбка и взгляд словно предназначались чему-то далёкому и несбыточному, о чём человек с меткой на руке не имел права даже думать. Мия выбросила это из головы и направилась вниз — рабочий день начался.

Пока колёса ехали по тонкому слою нагретого песка, замедляясь и словно желая утонуть в нём, в голову не пришло ни одной стоящей мысли. Ничего, связанного с необходимостью что-то изменить, и ничего, твердящего, что вся эта вереница — лишь вопрос дисциплины. Мозг казался целостным снаружи, но где-то

очень глубоко вскипал, словно его положили на раскалённую звезду.

Думать стало просто не о чем. Всё, чем была забита голова в последний месяц, просто увяло, надоело, даже опротивело. Не хотелось задавать вопросы, на которые из раза в раз не получалось найти ответы. Прочь всю эту тяжесть из головы.

— Кон... Эр. Вэ. И ещё Эр.

Мия читала все буквы, что только могла прочесть, и заглядывалась на каждое заведение, имевшее вывеску. Затем снова считала шаги, считала количество людей, мимо которых прошла, и даже секунды. На обратном пути ничего не поменялось, как и по пути ко второму, третьему, четвёртому адресату.

Вечером полегчало. Настроение поднялось до нейтрального и перед очередной вылазкой можно было хоть немного отдохнуть. Сносно. Не плохо, а сносно — это уже результат.

Зауж попросил пройти с ним на задний двор таверны после того, как она поест. Хозяин грузил звенящие мешочки в чемоданы, а Мия ему помогала.

— Крупный и срочный заказ. Ох и стрельнуло же, да? Последний на сегодня, но очень важный. Тебе нужно к Тальясу в харчевню. Решил себе все вилки поменять, потому что те уже никуда не годятся. Помнишь, где это?

— Да.

— Отлично. Чемоданы с тележками оставишь у Тальяса — он попросил. Эта партия будет тяжёлой, так что постарайся хорошенько. Зато последний заказ на сегодня.

После этих слов оба молчали, складывая мешки с вилками во второй чемодан. Это заняло не больше пяти минут. Редкий наплыв смелости, который вырвался сам собой:

— Зауж, скажите, пожалуйста, а что это за облака странные? — Чтобы убедиться, что они ещё существуют, что они не предали её в самый важный момент и не растворились, Мия покосилась вверх. — Которые не двигаются с места? Не знаете?

Трактирщик выдохнул так, будто что-то в этом вопросе было не так и помотал головой, мол, так дело не пойдёт.

— Послушай, Мия, а зачем тебе это знать? — он закрыл второй чемодан и выпрямился. — Ты ведь доставляешь товары. Это почётно для тебя и прибыльно для меня. Пока справляешься, я обещаю, что ты будешь сыта и у тебя будет место для ночлега. Зачем же отвлекаешься на такие пустяки и морочишь себе голову?

Зауж дружелюбно похлопал её по плечу.

— Постарайся научиться не задавать вопросов, что мешают тебе. Вот спроси ты как чинить колёса на тележках, так я научу, потому что это тебе нужно. А облака эти, — он сам окинул их взглядом, — да какое до них вообще может быть дело? Это не важно для тех, кто работает в трактире и возит чемоданы. Правильно?

— Да. Правильно.

— Тогда, пожалуйста, больше не задавай мне таких вопросов и хватай вот эти два чемодана. — Очевидный приказ, а не просьба. — Хоть и последний заказ на сегодня, но идти далековато. Вперёд.

Мия вышла на центральную улицу. В этот раз ей достались не привычные чемоданы, а два настоящих валуна за спиной. Казалось вилок столько, что хватит на весь Мейярф. Даже чтобы сдвинуть тележки с места, нужно было хорошенько постараться.

Мия сама себе делала хуже. Прозвучавший вопрос был проявлением не смелости, а безрассудства. В который раз она напомнила себе, что важно построить эту высокую стену внутри себя. Из-за неё нельзя будет выглянуть, но стена эта не даст внешним силам разрушить то небольшое, что она имела. Любопытство могло привести к гибели организма, который следовал примитивному инстинкту — хвататься за жизнь вопреки всему. Пришлось поклясться своей жизнью, что больше не прозвучит никаких бесполезных вопросов. Подчинение в её случае — это выживание, а любопытство — осознанный шаг к смерти.

Вскоре эти мысли улетучились, но настроение так и осталось скверным. Когда удалось добраться до Тальяса, наступил поздний вечер. Голос ростовщика звучал тускло: он задавал вопросы, но отвечать на них получалось совсем вяло.

— Завтра мне нужно столько же ложек, ножей и таджео⁵. Две-три ходки должно хватить. Тележку с чемоданами оставляй, Зауж знает, что я не буду разбираться с этим сейчас. Отдам завтра.

— Хорошо.

— Только обязательно передай ему. Ложки, ножи и таджео.

— Я передам, конечно. Сразу как вернусь.

— Ты такая умница. Не подвела и всё доставила вовремя. За старания.

Заказчик протянул ей квадратную монетку и Мия аж рот приоткрыла от удивления. Обычно если заказчики и давали деньги, то только треугольной формы. А тут настоящая находка: она была и больше, и наверняка ценнее треугольной, и даже узор на ней

⁵ Таджео — столовый прибор, имеющий и чашечку, и два зубца для накалывания еды.

отличался. Она не знала, как благодарить в таких случаях, поэтому просто повторила "спасибо" несколько раз.

Настроение сразу подпрыгнуло. Первые пару минут по пути домой было сложно отвлечься от обычной, казалось, игры: стоило поднести треугольную монетку к центру квадратной, как та вмагничивалась, и две частицы сливались в одну. Настоящий единый организм, но надави пальцем на сердцевину, и два фрагмента снова оказываются порознь. Настроение взлетело, а усталость отошла на второй план. Мия уже представляла, как будет соединять и разъединять эти побрякушки перед сном, но в голову пришла пусть и неоднозначная, но как минимум любопытная идея.

Никакого открытого любопытства. Никаких вопросов и попыток убедить Заужа хоть в чём-то. Всё найденное и узнанное должно быть спрятано, а выражение её лица должно всегда оставаться спокойным. Если Зауж не будет знать, значит всё хорошо. В этом и был весь смысл: нужно не перестать искать ответы, а сделать так, чтобы Зауж и его знакомые об этих поисках не узнали.

Доставленный заказ точно был последним на сегодня, ведь после девяти хозяин никогда не заставлял её работать. Таверну он закрывал к половине одиннадцатого, потому возвращаться было не к спеху. Можно было неспеша пройтись и не бояться, что её отругают за нерасторопность. Спешку можно было отложить до завтрашнего утра. На врученную ей монетку уж что-то можно было купить. Несмотря на вымотанность, Мия понеслась напрямик к книжному магазину, что находился по пути.

Добежать получилось за каких-то пять минут, не больше. Прежде чем войти, нужно было отдышаться, иначе продавцы подумают, что с ней что-то неладное и точно ничего не продадут. Она выждала без малого минуту — слишком не терпелось, чтобы ждать больше.

Внутри практически не было посетителей. Только девушка, что стояла прямо на пути и читала какой-то листок, сложенный гармошкой. Спустя несколько секунд девушка повернулась, ойкнула и уступила Мие место, продолжив читать в стороне.

— Здравствуйте! — ненамного, но дыхание было всё ещё быстрее обычного. — Я недавно к вам заходила. Искала книгу о странных цветных тучах. Она... ещё осталась у вас?

— Осталась. Принести?

— Да, ага!

Совсем скоро книга оказалась перед лицом. В этот раз никаких картинок. Сейчас нужно было выглядеть как можно серьёзнее и отрешённое. Мия намеренно бросила безразличный взгляд на книгу

и даже не открыла её. Пальцы оказались в кармане и разом схватили все монетки, что там были.

— Так, сколько она там стоит?

— Один триптих.

Она решила взять уверенностью. Если вести себя беспристрастно, то ситуация будет играть по её правилам куда охотнее, чем без этого.

— Что ты нам суёшь?! — заворчал пожилой торговец, но второй успокоил его лишь парой жестов и вклинился в разговор.

— Девочка, здесь не хватает на эту книгу.

Он точно заметил квадратную монетку посреди горстки треугольных. Заметил, но только пожал плечами, будто там и смотреть не на что было.

— Совсем?

— Да, совсем. Накопи вот так ещё четыре раза и приходи.

— Поняла. — Отступать было ещё рано. — А азбука у вас есть? Или на неё тоже не хватит?

— Азбука? Так сразу и не вспомню. Сейчас.

Торговец помоложе ушёл и Мия осталась ждать перед стойкой. Его пожилой и совершенно неприятный напарник копошился в бумажках и лишь пару раз бросил на Мию пренебрежительный взгляд. И минуты не прошло, а казалось, что старик уже насквозь просверлил, так неприятно там было находиться.

— Вот, на эту хватит, — вернулся мужчина. — Тут картинки на каждую букву, как и полагается. Хорошая азбука, правда.

— Отлично, я беру.

Тот кивнул и принялся отсчитывать монетки с руки. Не спешил, но в конце концов у Мии осталось ещё два треугольничка, которые тут же оказались в кармане.

Стоило только выйти, как она метнулась к ближайшему источнику света. Это был небольшой фонарь, который позволял увидеть, что же там, внутри книги. Мия в предвкушении раскрыла азбуку и сразу поняла — покупка стоила того. Там и красивые прописные буквы, и рисунки зверей и птиц, некоторые из которых казались ей точно вымышленными. Страниц оказалось немного, но на каждой из них прямо какое-то искусство, где буквы были частью красивого рисунка.

— Привет.

Мия тут же закрыла книгу и обернулась. Её прервала девушка, которая недавно читала листок-гармошку в лавке. Она держала

руки за спиной и не выглядела очень уж уверенно. Вся такая серая и блеклая, а оттого и отталкивающая.

— Тебе интересны эти странные облака, да?

Не сразу было понятно, как правильно ответить. Такие вещи просто так не спрашивают и что-то здесь было не так. Зауж не поощрял всех этих долгих взглядов вверх и излишней любознательности. А ещё у него было очень много знакомых. Человек перед ней точно был на его стороне, хоть и совсем безобидный на вид. Ответ Мия “да” и что-то нехорошее наверняка бы произошло.

— Прости, если напугала. Можешь не отвечать, если не хочешь. Вот, это тебе.

Девушка вытянула руку, в которой была книга. Именно та: с десятками разных картинок, рисунков и слов, что рассказывали про странные тучи в небе. Радость быстро сменила тревога — здесь должен быть подвох, но найти его пока не получалось.

— В этом ничего такого нет. Просто возьми, не бойся.

Мия положила ладонь поверх обложки — ничего не случилось. Незнакомка не принялась уличать её в чём-то, а из ниоткуда не появился Зауж, чтобы начать отчитывать. Эти мысли казались совершенно глупыми, но очень навязчивыми. Хотелось убедиться окончательно в том, что всё это — выдумка. Книга оказалась в руках и всё было так же спокойно, как и прежде.

— Вот так. Не думай, что я хочу сделать тебе какую-то гадость. Просто подумала, что можно было бы поговорить. Если не против. У тебя есть время?

— Нет. Ну вообще, наверно... Не много. Скоро мне нужно будет бежать домой.

— О, — та замахала руками, — понимаю, правда. Я не задержу.

— А о чём поговорить?

— Просто. Лёгкий вечерний разговор, ничего больше.

Мимо них прошёл гра́стия — один из караульных, который патрулировал улицу. Сейчас, вечером, дозорных становилось больше. Девушка осмотрелась и после показала пальцем на широкий переулок.

— Здесь есть старая обсерватория. Совсем недалеко, но место весьма тихое для разговора. Я, правда, не обманываю, но, если не веришь, можем и тут пообщаться.

— Я знаю это место. Там ещё палка торчит из крыши?

— Да, вроде того. Называется телескоп. Ну, там уединённей, чем здесь. Что думаешь?

Мие не приходилось бывать внутри, но порой, когда она шла переулками обратно в таверну, то проходила мимо упомянутого старого здания. В этом районе много навесов и днём лучше улочки не сыскать, чтобы укрыться от раздражающего солнца.

— Да, — всё равно неуверенно выдавила Мия. — Можно и туда.

Темнело. По пути всё, чем они перекинулись, это имена. Мия сразу подумала о том, насколько сложно написать “Фрида” на бумаге. Из этих букв она знала как пишутся только “Р” и “А”, потому увидеть красиво ли оно смотрится на листе было невозможно. Оставалось ориентироваться на слух. Мие это имя казалось совсем не благозвучным.

На куполообразной верхушке обсерватории было много дыр, а не только от палки, что торчала изнутри. Само здание вряд ли бы вызвало положительные эмоции даже у умеющих находить прекрасное в мелочах. Невысокая, с выбитыми круглыми окошками и одной единственной потресканной деревянной дверью. Внутри всё было ненамного лучше, но сносно. Помещение освещалось сумеречным светом, а сидеть здесь можно было разве что на поручнях, полу или ужасно запыленных столах. В крайнем случае можно было запрыгнуть на огромную палку, которая выходила через дырявую крышу, но вряд ли это был самый удобный вариант.

Мия не спешила садиться. Она со всех сторон обошла большое изобретение, пытаясь догадаться для чего оно могло быть построено.

— Нужно смотреть сюда, в этот окуляр. Но можешь не стараться — тут нет линзы, так что ничего не увидишь. По правде, этот телескоп — та ещё развалюха. Ударишь ногой, и он точно рассыпется.

— Странное место. Такое спокойное для Мейярфа. И совсем тихое.

— Эту обсерваторию вот-вот должны снести, но это “вот-вот” длится уже очень много лет. Везёт ему что ли, этому месту.

— Ну... — Мия не сразу решила, нужно ли вообще выражать своё мнение. — Ну понятно, что хотят снести. Мейярф — это же город, в котором все куда-то спешат. А такие места как это — не для больших толп. И не для скорости и шума. Потому, наверно, и хотят снести, чтобы построить... э-э-эм...

— Что-то более подходящее Мейярфу.

— Вот, да. Спасибо.

Боковым зрением Мия заметила, что Фрида упёрлась спиной о стену. Ей казалось, что так становятся только уверенные в себе люди, которые вот-вот будут говорить о чём-то очень серьёзном. Такие разговоры никогда не были Мие по душе.

— Вы где-то недалеко живёте?

— А? — оторопела собеседница. — Нет, я здесь не часто бываю. Просто сейчас по делам приехала.

— Поняла. Спасибо, что ответили.

— Пожалуйста. Только не нужно так формально, очень прошу. Мне от этого чуть не по себе, — она хмыкнула. — А я вот думаю, зачем же ты купила азбуку, а не продолжила копить на книгу, которую хотела? Захотелось растратить что есть?

— Нет. Эта книга с тучами... Она очень мне нравится картинками. Но в лавке я задумалась, что мне стоит лучше понимать, о чём там написано. А читать я пока не умею.

— Не умеешь?

— Пока что. Поэтому это мой первый шаг. Выучу все буквы и буду уже понимать.

Собеседница перестала задавать вопросы и от этого появилась скованность. Было неловко торопить, но Фрида всё стояла и молчала, будто это Мия попросила её заскочить сюда. Уже надоело даже рассматривать телескоп, но начать листать подарок было бы нагло. В эти самые секунды хотелось пропасть, настолько не было понятно, чего от неё хотят.

— Знаешь, Мия, как-то так вышло, что ты очень часто попадалась мне на глаза. В городе, где заблудиться проще простого, это особенно удивительно. Когда я заскочила перекусить в таверну, то заметила, как ты спускаешься со второго этажа с двумя чемоданами. И почему-то запомнила этот момент. А через пару дней я видела, как ты с этими же чемоданами идёшь, наклонив голову вниз. И вот сейчас в книжной лавке. Опять пересеклись.

— М-м-м... А это что, плохо?

— Нет, совсем нет, — девушка зажестичулировала руками. — Просто... Ты выбиваешься на фоне других жителей Мейярфа. Скажи, ты местная?

Мия почесала голову и не знала, как ответить. Ответ "да" или "нет" — получится не полная правда. Потому она пожала плечами.

— Невольница? Невольничество строго наказывается, если ты не знала. Ты не должна никому прислуживать.

— Нет. Не невольница, честное слово.

— А что тогда? Что с тобой случилось?

— Ничего такого. Я просто работаю на человека. Его зовут Зауж. Он строгий, но он мне по-настоящему много даёт. Без него я бы пропала. Я доставляю его товары, а он мне даёт еду и даже разрешает спать в его таверне. Поэтому всё не так страшно, как кажется. Я устаю за день. Но ещё я отдыхаю вечерами.

По реакции Фриды было видно, что эти слова её не успокоили. Она нахмурилась и засмотрелась в одну из дыр на крыше. Мия не умела читать людей. Волнение Фриды казалась неподдельным, но люди умеют выглядеть и вести не так, как чувствуют на самом деле. Зауж часто улыбался, говоря с посетителями, но это выглядело не по-настоящему. Будто показывал зубы врачу, а не делился искренностью.

— Я, может, слишком настойчивая. Прости, — Фрида произносила это аккуратно, не с тем рвением, что слышалось в предыдущих её фразах. — У меня такое случается. Если тебе не трудно, можешь сказать как ты к нему попала? Что-то случилось с твоей семьёй?

— Наверно... — Мия вовсе старалась подбирать слова, чтобы собеседница не подумала лишнего. — У меня очень странная история. Сама не знаю, как было на самом деле.

— Не знаешь? Или он запретил тебе рассказывать? Если так, то не бойся. Всё останется между нами.

— Он не запрещал. Просто у меня в голове есть одна версия. Ну, в которую я верю. Вот только Зауж говорит, что у меня большие проблемы с головой. И что я всё выдумала. Я понимаю почему он так считает. Но доказать, что права, не могу. Всё так... — хватило только сил пожать плечами.

Фрида кивнула. У неё, казалось, пропадало желание задавать вопросы. Как бы Мия ни пыталась красочно ответить, как бы ни хотела звучать красиво — её предложения были короткими, мысли запутанными, а описания и ответы на вопросы совершенно скудными.

— Давай тогда поступим вот как. Я расскажу тебе один совершенно, — собеседница даже издала смешок на этом моменте, — неправдоподобный факт обо мне. Вот услышь его обычный человек, точно бы решил, что я вру. Но я скажу правду о себе. А потом ты можешь поделиться со мной, и я обещаю, что поверю. Как тебе такой обмен секретами?

— А у меня совсем нет шансов угадать твой секрет?

— Совсем. Ни единого шанса.

— Тогда подходит, — интерес не на шутку дал о себе знать. — Но только ты первая. Если можно.

— Конечно.

Фрида уселась на край стола, но тот скрипнул так, что любой бы вскочил как ужаленный. Мия засмеялась, да и на лице Фриды проскочила неловкая улыбка. Она отряхнула одежду и просто упёрлась спиной в стенку.

— Ну хорошо. Некоторые люди для меня, скажем, излучают свет. Есть обычные, а есть те, рядом с которыми я вижу фиолетово-серое мерцание. И у тебя оно тоже есть. Вот здесь, возле солнечного сплетения. Это, наверно, меня и поразило. Ты ходишь туда-обратно по много раз в день и при этом мерцаешь. Для меня это настолько несовместимо, что в какой-то момент я просто отвлеклась от всех своих дел и смотрела на тебя. Вот ты идёшь с этими чемоданами за спиной, идёшь и светишься.

Мия внимательно смотрела на Фриду, пока та была близко. Справедливости ради, нельзя было её вот так спешно называть серой и блеклой. Сейчас, посмотрев на этого человека заново, хотелось сказать, что она олицетворяет не серость, а серебро, которое Мия по незнанию не разглядела. Такого цвета были её волосы, и, если лунный свет не обманывает, глаза. Одежда её была сочетанием серого, бежевого и холодного жёлтого цвета. Фрида была выше и старше Мии. Когда слушала, каждый раз поджимала губы и смотрела не в глаза, а чуть мимо. Будто уже обдумывала ответ. На это могло уйти какое-то время, но когда она задавала вопросы и отвечала, все слова находились на своих местах. Возникало чувство, что с губ этого человека срываются только тщательно обдуманные вопросы и утверждения, что граничат с истиной. Всё это не было чем-то неоспоримо хорошим, но то, что Мия поспешно присвоила этому человеку серость и тусклость, было однозначным промахом.

— А что, мерцающие люди чем-то особенные?

— Да, — она произнесла это серьезнее всех других фраз. — Да, Мия, ещё как. Но как бы мне ни хотелось, у меня не хватит времени объяснить, чем именно. Эти люди, они... некоторые из них играют важную роль в моей судьбе, скажем так.

Мия осмотрела свои руки и не заметила ничего такого, как ни всматривайся.

— И даже сейчас я свечусь для тебя?

— Да. Всегда.

— Но это не плохо, да? Это не болезнь какая-то?

— Нет! Такого предположения я ещё не слышала. Нет конечно!

Фрида впервые рассмеялась. Это был красивый смех, но пришлось отвлечься от мыслей о нём. Нужно было думать о том, как красивее донести свою мысль. Уже был вечер, но солнце, казалось, ещё днём выжгло все остатки здравого рассудка. Мия решила говорить как есть. По-настоящему, а там уже как получится.

— А что насчёт тебя?

— А, я... Да. У меня, это... В общем! Со мной во снах разговаривает какое-то существо с жёлтыми глазами. И в одну из ночей оно рассказало, что настоящая я — целый океан крови, представляешь? И иногда даже спрашиваю себя, почему мне это только снится, если так и есть? Это кажется мне странным, но очень правдивым, потому что голос точно не обманывает. Будто он — это единственное, в чём я могу быть твёрдо уверена. Даже ловлю себя на мысли, что я ведь должна быть жидкой, а вместо этого хожу и таскаю чемоданы. Но Зауж говорит, что нашёл меня на заднем дворе своей таверны среди ящиков и досок. Совершенно не в себе, нёсшую полную чушь и просящую о помощи. Вот он меня и приютил. И в этом есть смысл, вот только я не верю ему. А знаешь, что мне говорит голос во снах?

— Что?

— Вот была большая бочка, внутри которой находилось кровь. Эта бочка упала с большой высоты и разбилась. И кровь вместо того чтобы растекаться в стороны, начала собираться и обретать форму. Вот так я и появилась.

Какое-то время они остались сидеть в тишине. Некомфортная тишина. Никакого взаимопонимания в этой тишине не было. Такая бы тишина образовалась, если бы человек признался в преступлении. Когда говорила Фрида — всё было замечательно, но каждый раз, как очередь доходила до Мии, хотелось сгореть от стыда и дискомфорта.

— Это... необычно. И воспоминаний о детстве и родителях у тебя нет? О том, что было до этого.

— Нет. Потому что и никакого "до этого" и нет.

Собеседница не спешила с вопросами.

— А давно это произошло?

— Что?

— Эта история с бочкой. Не помнишь?

— Не знаю точно, — Мия стыдливо пожала плечами. — Месяц назад, наверное. Я не сумасшедшая, просто в это воспоминание я верю больше, чем во что бы то ни было. Оно точно было, но я не знаю, как его доказать или проверить.

—Я верю.

Мия кивнула, потупив взгляд. Неловко. Слова Фриды сейчас не звучали твёрдо, но почему-то хотелось в них верить. Сразу так и не скажешь почему. Хотелось, и всё, даже если это острые шипы лицемерия, на которые ей придётся стать, чтобы набраться опыта.

— Я верю настолько, насколько получается. Для меня это трудно представить, но я не думаю, что ты врёшь или выдумываешь глупости. Просто нужно немного времени.

— Спасибо. Думаю, много кто даже не захотел бы слушать до конца. Или бы вообще рассмеялся. Если ты х...

Её перебил куда более приятный и воодушевляющий голос, который Мейярфу был куда нужнее.

— Говорит станция "Просвещение". Этим вечером у нас весьма интересная сводка новостей. С вами я, Маттиас Мендакс, и мой собеседник на этот вечер...

Разговор из рупоров был довольно громким. Из-за выбитых окон и дырявой крыши звук проникал сюда проще простого. Оставалась либо подождать, либо общаться на повышенных тонах. Мия насупилась и, подойдя к Фриде поближе, крикнула:

— Представляешь, у нас тут такое каждый день! По несколько раз! Даже в рань!

Фрида кивнула. Её этот факт почему-то не удивил, и она принялась ждать, пока диалог закончится. Девушка молчала и смотрела прямо на Мию, но ответить тем же не хватало духу. Приходилось то коситься, то пару секунд рассматривать собеседницу, то снова делать вид, что ей интересен потолок.

— Тут существует разница между "нажаловался" и "пресёк безрассудство".

— Я-то это понимаю, — тараторил кто-то в ответ Маттиасу Мендаксу. — Я-то вижу, что она что-то прячет. И в один день я, значит, захожу в подвал, а там краска везде! И на полу, и на стенах, значит! Ну Маттиас, вы бы видели этот свинарник.

— Какое, напомните, её настоящее ремесло?

— Так врачеватель! Врачеватель, в том и дело! А она рисовала всё это время, представляете? А там — ну мазня, ну ничего общего с искусством! Я, конечно, пошёл к вам и рассказал об этом. Ну а как? Давайте теперь каждый такое маранье начнёт рисовать и

назовёт это картинами. Простите что на эмоциях говорю, но как есть!

— Прекрасно вас понимаю. Оно ведь никому и не нужно, поэтому я и говорю, друг мой, — разница есть. Горжусь...

Вскоре, после того как Мия вслушалась в разговор, мысли уже не крутились вокруг Фриды. Она слушала диалог и ловила себя на мысли, что настоящая суть таких бесед ускользала от неё. В этот раз критиковали художницу, которую сочли ненормальной. Не рассказывали ни о том, что она нарисовала, ни о каких-то странных действиях, но каждый раз повторяли, что она ошиблась. Звучало это так, будто ошибка была уже в том, что захотелось нарисовать картину. Глупость. Мия, видимо, прослушала какое-то важное предложение и не так всё поняла. Что-то, где объясняется, почему художницу называли ненормальной.

Кто-то оказался прав, а кто-то виноват. Так всегда кончались такие диалоги. Людям по ту сторону нравилось вечно кого-то обвинять, но Мия успела к этому привыкнуть. После началась оркестровая музыка, этакая колыбельная для этого города. Она всегда поднимала настроение, даже сейчас. Начинаешь слушать, и сразу окутывает умиротворение. А значит приятное возвращение домой обеспечено. А там, в своей комнате, можно будет рассмотреть каждую картинку, не боясь, что кто-то подгонит. Намечался лучший из вечеров.

— Ой, нужно уже бежать! — вскочила Мия. — Когда закончат играть, значит ровно десять часов. Очень удобно сделали, правда? А ещё! У нас будет ещё возможность увидеться или ты совсем скоро уедешь?

Та не ответила. Смотрела на одно из выбитых окон, будто в них было что-то интересное. Мия повернула голову чтобы проверить. Совсем ничего.

— Или ты... может, не хочешь? А?

— Мия.

— Что?

— Если я предложу тебе уехать отсюда, ты согласишься?

Этот вопрос был здесь неуместен. Ни от незнакомого человека, ни даже от доброго приятеля — о таком спрашивать нельзя. Ответ на него очевиден, а значит, зачем вообще он должен звучать?

Перестала радовать музыка и заколотилось сердце. Это первое, что Мия ощутила. Она не думала уже ни об облаках, ни почему этот вопрос прозвучал, ни о чём-то ещё. Только чувствовала, как сердце

начало стучать быстрее, будто хотело вырваться из грудной клетки, чтобы самому ответить на этот вопрос.

— Как... как уехать? Куда?

— Далеко за Мейярф. На юг Эмиронии⁶.

— Нет, — она замотала головой, чтобы показать, что и не думала об альтернативе. — Нет конечно. Я никуда не поеду.

— Почему?

Мия не хотела отвечать. Это было не дело Фриды. Она сделала несколько шагов спиной к выходу и застопорилась после того, как Фрида снова задала тот же вопрос.

— Почему, Мия?

Она точно не была на стороне Заужа. Пусть это можно скрыть словами, можно спрятать за милым лицом и не выдать поведением, но разница между ними была. Зауж ассоциировался с песком. Вообще все люди в этом городе ассоциировались с пылью, песком, горячими лучами и солнечными ударами. А Фрида была как ниоткуда взявшееся серебро, которому здесь не место. Непонятная стихия, но точно не имеющая ничего общего с песком.

Оставалось просто стоять, боясь и уйти, и сделать шаг навстречу. Фрида сама подошла к ней. Плавными шагами, будто резкие движения были запрещены. Стоять вдруг стало не так легко и захотелось на что-то опереться.

— Я не могу никуда уехать, — Мия засучила рукав и показала предплечье собеседнице. — Нельзя такое. Это... Это ведь и правда что-то очень плохое?

Та не постеснялась коснуться знака на руке. Это было первое её прикосновение, но в нём не было ничего отталкивающего или страшного.

— Не невольница, ну да... А ты называла этого человека хорошим, — Фрида всматривалась в знак и всё водила по нему пальцами. — Так клеймят за фальшивомонетничество. Очень плохой знак.

Зауж не говорил ей этого. Только дал знать, что выкини Мия какую глупость, попробуй сбежать или ещё чего, и ей конец во всех смыслах. Он покажет этот знак грастиям⁷, и её просто не станет — он повторил это несколько раз. Зауж с самого начала знал, что такие случаи как этот будут. Что искушение рано или поздно

⁶ Эмирония — западный материк Виоландо, на котором происходят события рассказа.

⁷ Грастия — участник дозора, обеспечивающий порядок на улицах города. В большинстве городов “Грастийство” занимается не только караулом и патрулём улиц, но и пресечением, выявлением и раскрытием большинства видов преступления.

встретит Мию. Он ведь часть самого Мегаполиса. Он — одна из пар глаз этого громадного города с острыми зубами.

— За такое меня очень, очень накажут. Сначала грастии, а потом Зауж. Он мне сам говорил... Он... Ты не знаешь его, он...

Слова напрочь вылетели из головы. Мия быстро дышала ртом и вскоре от этого стало не по себе. Стены начали будто шататься, губы совсем высохли, а ноги стали ватными.

— За такую метку... — ей очень нужны были паузы между словами. — За такую метку меня грастии могут просто убить. Это же преступление. А даже если нет, тогда... Тогда Зауж отвернётся от меня, и я пропаду. Поэтому я не могу никуда поехать. У меня сейчас есть не так много, но без этого я не смогу. Я научусь читать. И дальше будет лучше. Постепенно. Я выкручусь.

Фрида помогла ей сесть на землю. Нужно было отдышаться. Стало стыдно за свою странную реакцию. Со стороны Мия казалась себе слабой. Собственные никчёмность и уязвимость раздражали, но сейчас не было сил с ними бороться.

Собеседница попросила дышать помедленнее и через нос. Она стала на колени и прикрыла рот Мии, чтобы контролировать дыхание.

— Вот так, — несколько раз произнесла она.

Потом смотрела прямо в глаза и ни в какую не уводила взгляд. Будто забыла, что всего несколько минут назад уже выиграла в этом состязании. Они были серыми, эти глаза. Такая глупость, но стало стыдно, что Мия самолично обозвала их блеклыми. Сейчас, может из-за музыки, они казались такими живыми, такими дружелюбными. И либо из-за них, либо из-за музыки пробежали мурашки. Фрида обратилась к ней, так и не уведя взгляд.

— А представляешь, чего будет стоить, если у нас всё получится? Если окажется, что большой солнечный мегаполис не всесилен, и мы сможем оставить его? Мне кажется, что этот город для тебя такой же чужой, как и для меня. А за ним есть много других цветов. Облаков. Людей и звуков. Не представляешь, сколько там всего, за этими границами.

Она легко сжимала запястье Мии и больше ничего. Сидела на коленях, сжимала запястье и смотрела прямо в глаза. И это была очаровательная простота. За хрупкой деревянной дверью находилась обыденность: песок, запах города и всё те же люди, которые являются частью потока. Здесь этого ничего не было, словно они находились в обсерватории на другом краю мира. Только оркестровая музыка Мейярфа давала понять, что это не так.

— Мой дом находится далеко отсюда. И пока звучали рупоры, не представляешь, как мне захотелось, чтобы ты его увидела. Вдруг он понравится настолько, что станет домом и для тебя? Это ведь возможно.

— А если нет? — Мия нашла в себе силы, чтобы задавать важный вопрос. — Если не станет, что со мной будет?

— Это не страшно. Мы найдём другое место, которое станет. Я тебя не брошу.

Как голос Фриды оставался таким хладнокровным? Как она вообще находила в себе силы лить слово за словом, не путая их и не уводя взгляд? У Мии всё было не так. Её голос искажался из-за странного кома в горле, который появился не пойми откуда. Фриде нужно было уметь различать невнятные слова.

— Если у нас не получится... И... И если Зауж узнает, он...

— Он не узнает. Каким бы ни был исход на границе — Зауж не узнает. Мия, я понимаю твои страхи. Правда понимаю, ведь у меня никаких гарантий нет. Я не знаю, что будет на границе. Но в моём доме живёт человек, который знает о странных облаках больше, чем кто-либо. Ты сможешь спросить его про них. Надеюсь, ты понимаешь, что я хочу тебе донести. Только скажи “да”, и мы рискнём. Если нет сил, можешь молчать, — Фрида протянула ладонь. — Дай руку, и это тоже станет ответом. Ты только реши, хочешь ли рисковать.

Дело было не только в облаках. Это был выбор между маленьким шансом на перемены или гарантией того, что у неё уже было. Это риск ради того, чтобы услышать что-то помимо гула, разговоров из рупоров и скрипа колёс. Компромисс с Заужем был прост и безопасен — удобства в обмен на жизнь. Попытаться поменять условия или что-то узнать — всё равно, что кричать на ветер, приказывая прекратить так сильно дуть. Что-то примитивное внутри говорило, что пара дней, и подобных мыслей даже не возникнет. Замечательная и совершенно беззаботная пора: сердце не отбивало бы такой бешеный ритм, разум стал бы беззвучным, не наполненный никакими шумами мыслей, а дома всегда ждал вкусный ужин — лучшая часть любого дня. Предчувствие подсказывало: стоит упустить жажду жить — и её уже не догнать. Отсутствие интереса к ней просто лишит всех способов что-то искать. Сражаться против этого механизма, где она была пылью, — означало вести войну с собой. Жажда находить ответы на вопросы рано или поздно лопнет от своего бессилия.

— Тогда пообещай мне, пожалуйста, — Мия проскулила эти слова — на большее ни сил, ни смелости не хватило. — Моя жизнь мало

чего стоит. Совсем ничего, если честно. Но мне она очень нужна. И если ты меня обманешь — мне конец. По-настоящему. Пообещай, Фрида, что не обманешь и не бросишь меня.

— Я клянусь тебе.

И больше она ничего не добавила. Такая хладнокровность в словах, которой просто невозможно научиться. Не знаешь, что за ней прячется. Мия обняла руку Фриды, которую та держала протянутой. Всю, чтобы чувствовать, что рядом с ней — настоящий живой человек. Рука незнакомого, но очень сильного человека, который старше, опытнее и умнее Мии во много раз. Которого даже необъятный Мейярф напугать не может.

Она обнимала руку до тех пор, пока оркестровая музыка не кончилась. И так, уже под полностью тёмным небом тишина будто стала не концом очередного дня, а началом целой жизни.

Фрида — создательница замка Ортóрус и хранительница его тепла. Она возвела место, которое стало домом для двадцати одной души, чьи пути однажды пересеклись.

Глава 2. НАСКВОЗЬ

В такое позднее время Мия ни разу не ходила по улицам даже возле собственного дома. Когда город становился другим, она зачастую уже спала в своей кровати. Сейчас было не по себе от каждого шороха, от проходящих мимо подозрительных людей и возгласов, что доносились из переулков. У одной из таверн ссорились трое мужчин, после где-то за зданием разбилось окно. Бродячие звери, казалось, тоже становились сами не свои и скалились из закоулков. Она сжала руку Фриды ещё крепче. Проводница шла быстро и поспеть за ней оказалось не так просто.

Ночью грастий на улицах становилось куда больше. Одни стояли на постах, другие ошивались возле питейных заведений, третьи же проходили совсем недалеко от самой Мии. Сейчас Мейярф кишел теми, в чью сторону даже голову страшно повернуть. Атмосферу никак нельзя было назвать дружелюбной или узнаваемой, похожей на ту, что господствовала днём. Казалось, вот-вот кто-то сорвётся с места и схватит её за руку. Навязчивые мысли, что все вокруг знают об их преступной затее, никак не выходили из головы.

Поток людей, в котором легко было спрятаться, где можно было почувствовать себя лишь незаметной крупницей, пропал. Ночью каждый на улице был сам по себе, на виду у остальных.

— Куда это ты намылилась? А ну, стой! Стой говорю! — крикнули слева, и Мию передёрнуло.

Грастия метнулся за собакой, которая наглым образом стащила с его тарелки что-то вкусное и рванула в переулок. Оставшийся за столом мужчина смеялся, другой же пробежал не так много и рассержено топнул ногой.

Суший пустяк ведь, но дыхание сбилось. Мия словила себя на мысли, что оно подводит в самые важные моменты. Глупое дыхание и глупый пот, что проступил от волнения. И эта усталость, которая нагрянула так не вовремя. Даже ребёнку было бы видно, что она не на шутку переживает, стоит только глянуть в её сторону.

Мейярф точно злился на неё и хотел поскорее поймать. Но как бы быстр ни был шаг, как бы страшно не становилось, главное — не отпускать руку Фриды. Казалось, стоит только ослабить хватку, пусть даже случайно, и единственный шанс тут же проскользнёт сквозь пальцы, разобьётся об землю и исчезнет. Мия потеряется в наступившей ночи, и больше даже желтый шёпот не сможет её найти. Сильнее, сильнее сжимать руку, иначе Мейярф найдёт её.

Сейчас город казался живым. Настоящим гигантом, который походил на человека. Очевидно, что рупоры — его голос и уши, песок и асфальт — кожа, а само тело, если её не обманывали местные, занимало почти половину всего континента. А вот его глаза... Глазами Мия считала невиданных размеров здания, которые чем-то повторяли форму грибов. Они были не просто выше всех остальных, нет. С них можно было смотреть на город свысока, заметить любую мелочь как в трущобах, так и в благоприятных районах. Даже такое грязное пятно, как сама Мия и её мысли, противоречащие правилам и порядку. Это если глядеть снизу, с высоты обычного человека на огромные белые ленты, что доставали почти до земли, на широкую шляпку и непрозрачные окна, то могло показаться, что здание спит. Что это просто постройка, ничего более. А Мейярф не спал и потому знал всё. Каждую заслугу и каждый проступок.

Фрида свернула в один из узких переулков, и они отошли подальше от основной улицы.

— Мия, — проводница погладила её по плечу, — тебя трясёт. Не переживай так. Сейчас вряд ли какому грастию придёт в голову пристать к обычным прохожим. Мы скоро придём в одно место, куда ни грастии, ни кто-то ещё не ходят. Только совсем немного потерпи, хорошо?

— Да, да. Прости, я сама не знаю, — она начала махать головой и разводить руками, чтобы попробовать оправдаться, — почему так...

— Это нормально, — Фрида держала себя в руках куда лучше, пусть и тоже нервничала. — У меня слишком быстрый шаг. Не все успевают, поэтому пока отдышись и займи мысли какими-то

пустяками. Тем, о чём тебе не страшно думать ближайшие пятнадцать минут. Справишься?

— Да, — хотелось звучать как можно увереннее. — Конечно. Ещё раз, э-э-э... прости. Всё в порядке.

Когда они продолжили свой путь, Мия что есть силы пыталась не накручивать и думать о простом. Фрида, как и многие в Мейярфе, была одета во флайо⁸, и тяга к такого вида одежде летом казалась совсем непонятной: длинный подол, пояс, из-за которого флайо не поносишь нараспашку, даже широкие рукава — всё это просто не могло быть удобным. Фриде не хватало только широкой шляпы, которую носил здесь чуть ли не каждый второй. Вечером такое одеяние ещё куда ни шло, но ведь его носили и днём, когда звезда над головой словно трещала от жары. Ладно местные игнорировали здравый рассудок, но приезжие... С ними-то тоже было что-то не так?

— Всё, наконец на месте.

Они завернули в один из таких переулков, в которые зайдёшь разве что если очень нужно срезать путь. Совсем небольшая улочка, где каждая дверь и окно казались давным-давно заброшенными. К одной из таких непримечательных дверей, что находилась почти посередине улицы, подошла Фрида и открыла её ключом. Заходить не торопилась и пропустила Мию вперёд.

Ничего особенного. Старая библиотека, которая не поражала ни размерами, ни количеством книг. Скорее просторное пыльное помещение для тех, кто хочет побыть один, нежели полноценное хранилище сотен книг. Много столов, много стульев и книг, но не так много света. Не больше десяти язычков пламени, что мало, для такого-то помещения.

В дальнем углу за стойкой сидел человек — к нему Фрида и направилась. Он оторвался от какого-то своего дела и встал со стула, нерешительно помахав рукой. Из-за лунного света и свечи на столе его можно было разглядеть. Мужчина был среднего возраста, как Зауж, но благороднее на вид, долговязый, в очках и с лысеющей макушкой.

⁸ Флайо — верхняя одежда, популярная во всех уголках Эмиронии. Напоминает собой полуприлегающее пальто, но зачастую кроится из плотных тканей, иногда из кожи. Классическая версия имеет длину ниже колен, длинные рукава и орнамент как на внутренней, так и на внешней стороне рукавов, стоячий ворот, но не имеет пуговиц и запахивается на пояс или ремешки. Сейчас существует огромное разнообразие флайо и везде, в зависимости от региона или даже города, свои особенности. В Мейярфе материал для флайо только на вид выглядит плотным, но на деле напоминает накидку, которая защищает от солнца и позволяет телу не вспотеть.

Только они с Фридой подошли, как незнакомец окинул Мию взглядом и потёр нос.

— Ну и ну, — тот не мог скрыть замешательства. — Серьёзно, да?

— Да, Маччери, — Фрида рассмеялась. — Выходит, что серьёзно. Но ты не переживай. И спасибо, что всё время остаёшься здесь.

— Ну ты что, ты что? Мне же не в тягость, совсем. Вы, если что, идите. Ребята у себя, но некоторые уже спят... Сама понимаешь.

Незнакомец общался вежливо, даже обходительно, стараясь подобрать слова. Мие казалось, что такие как он не могут грубить, рвать на кого-то или использовать ругательства — совсем не в их духе. Фрида повела дальше, а мужчина ещё какое-то время смотрел вслед.

За хрупкой на вид деревянной дверью был маленький холл, который был красивее библиотеки во всех смыслах. Ничего общего ни с улочкой, в которую они зашли, ни с атмосферой пыльного помещения. Холл был новее, освещение здесь оказалось куда ярче, а спёртый запах пропал. На стенах было полно гравюр и подсвечников, но ни одна свеча не горела. Вместо этого здесь были фонарики, прямо как на улицах Мейярфа. В помещении была одна-единственная дверь кроме той, через которую они вошли, а рядом с ней несколько красивых обшитых тканью стульев. Перед самой дверью Фрида бросила:

— Я сейчас вернусь, подожди.

Мия не отпустила руку. Напротив, лишь крепче её обняла и только виновато посмотрела в глаза. Своенравный жест, во многом даже хамский. Не ей здесь диктовать условия, задавать вопросы или не соглашаться с чем-то. Нужно молчать и слушаться — это понимала голова, но руки вели себя предательски. Такое странное поведение сложно аргументировать. Не удавалось выдать ни слова, пока Фрида не заговорила сама.

— Я никуда не пропаду. Зря боишься.

Проводница остановилась, но ощущение спешки никуда не делось. Она торопилась, как и всю дорогу до этого. Пусть сейчас и стояла на месте, но меж тем, наверно, думала, как бы поскорее разорвать эти неуместные объятия.

— Знаю, — руки нырнули за спину, будто это могло исправить неловкость ситуации. — Я знаю, извини.

Та кивнула и поспешно вошла внутрь. Мия села на один из стульев, но ждать пришлось недолго. Фрида и правда вернулась, но не одна. Сразу за ней вышла незнакомая девушка.

— Ух ты.

— Да, ух ты. На секунду, Хлоя.

Они отошли в угол холла, Мию же попросили подождать. Незнакомая девушка легонько покачивалась вперёд-назад и на протяжении всего разговора улыбалась. Со стороны эти двое казались разными, но когда они возвращались, контраст между ними стал совсем очевидным: одна — это спешка и напряжение, вторая же — какая-то поразительная лёгкость и озорство.

— Мия, вот человек, который нам поможет уехать отсюда как можно быстрее. Зовут её Хлоя.

— Зовут меня Хлоя, — зачем-то повторила та.

— Всё, наконец. Я предупрежу остальных и пойдём. Подождите меня немного.

Девушка села рядом. Они ждали всего пару минут, но на это время темп всей этой суматохи замедлился. Хлоя выглядела так легко, будто ей было плевать на поспешный ритм, сон, пугающих грастей и комендантский час. Эта её лёгкость коснулась и Мии — новые события ненадолго перестали наслаиваться друг на друга, а паника внутри затихла.

— Нервничаешь?

С такими непросто было говорить. Сразу возникло ощущение, что они не на одном уровне, потому Мия просто пожала плечами.

— Всё шикарно. Это будет гладкая ночь, так что нервничать не нужно. Думаю, ты и сама это понимаешь.

Девушка произнесла это с настоящим удовольствием и осталась на своей волне, какой-то слишком уж невозмутимой, чтобы Мия сделала то же самое. Хлое не нужно было ни отрицание собеседницы, ни её согласие. И пяти минут не прошло, как Фрида вернулась.

— Всё, встаём, встаём! — Фрида захлопала в ладоши чтобы растормошить спутниц. — Мы же спешим!

Только они вышли из здания, темп стал ещё быстрее, чем был до этого. Хлою это не больно волновало и та шла с комфортной ей скоростью. Так и вышло, что Фрида то и дело вырывалась вперёд, потом осматривалась, будто что-то искала, а остальные двое тем временем догоняли её. Лишь иногда звучали суматошные “Быстрее давайте, быстрее!”, пока она выбирала в какой из переулков нырнуть дальше. Темп Хлои для Мии был куда привычнее.

— Зачем так нестись?

Проводница не ответила: то ли с головой ушла в выбор пути, то ли просто не услышала. Случалось так, что по дороге Фрида даже бормотала что-то самой себе, будто совет какой давала.

— Думает, что уже к утру тебя могут искать, — объяснила Хлоя. — Ну, знаешь, если тот мужлан, на которого ты работала, как следует начнёт бить тревогу, то грастии на границе нахмурят свои брови и будут делать вид, что они-то эту проблему решат.

— Ах-х... Выходит, нужно опередить его? Тогда проблем будет меньше, да?

— На процентик, может, — она равнодушно пожала плечами. — Всё будет здоровски и так, просто ей нет смысла это доказывать.

Хлоя кивком показала на спешащую Фриду, которая махнула им рукой и завернула в один из переулков.

— У неё винты иногда не выкручиваются.

— Винты? Какие винты?

— Вот она считает, что важно до утра, и ты хоть триста причин приведи почему это не так — не переубедишь. И так в целом, не только в этой ситуации. А когда человек может изменить своё решение, то значит "винты выкручиваются". Уловила?

— Кажется да. Уловила.

Хлоя цокнула языком — это и был весь её ответ.

Ещё пара поворотов, и все трое вышли на странную улицу с целой кучей разрушенных зданий. В темноте многих деталей было не различить, но даже так этот квартал казался наименее благополучным из всех, через которые им довелось пройти. Ни одно из строений по обе стороны улицы не выглядело жилым: где-то не хватало части стены, а у некоторых и вовсе не было крыш и окон. Потому здания здесь напоминали скорее горы мусора, что едва не рассыпались, нежели полноценные дома или заведения.

На разрушенных ступенях, выбитых окнах и кусках камней вдоль улицы сидели люди. Некоторые поворачивали головы вслед за гостями, но большинству было откровенно всё равно. Местные люди не выглядели дружелюбно и даже подсознательно вызывали страх. Одни тарасились и почему-то хихикали, другие были не в себе и что-то бубнили, катались по земле и издавали мычание, похожее на плач.

Почему-то не они с Хлоей ускорили шаг, а Фрида стала идти медленнее. Мия взяла её за руку и крепость этой хватки была взаимной. Они хоть и не переговаривались, но точно думали об одном — нужно идти прямо и стараться не оборачиваться. Чувства

Хлои было прочесть сложнее: она просто сунула руки в карманы и шла с таким же безразличным видом, что и до этого.

Вся уверенность рухнула тогда, когда кто-то присвистнул в их сторону.

— Красавицы, милые, вы куда так бежите?

Два человека спрыгнули с металлической балки, что торчала из фасада одного из зданий, и увязались следом. Фриде хватало смелости не повернуть голову, а Мие было попросту страшно даже глянуть в сторону. Оба голоса были мужскими и через несколько секунд к ним прибавился один женский.

— Ау-ау! Стоп говорю!

— Голову-то хоть поверни.

Они звучали неприятно: какой-то гадкий ком грязи из агрессии, глумлением и хамства. Несколько раз прозвучали вульгарные слова, но те попросту игнорировались. Терпение лопнуло, когда один из них тронул Хлою за плечо, чтобы та обратила внимание.

Остановились все: Фрида держала Мию за руку, Хлоя только раздраженно цокнула языком, а тройка преследователей стояла вокруг них.

— Товарищ, сегодня ты, конечно, сам на себя не похож, — Хлоя обратилась к мужчине с бородой. — Мы же гости. Гости, которые спешат. А ты мне рассказывал, как приезжих любишь, когда мы с тобой пили. Их любишь, а местных грастий на дух не переносишь, разве не так? Не история выходит, а обман какой-то, получается?

Она подошла к мужчине вплотную и зачем-то начала застёгивать его распахнутую порванную накидку. Говорила Хлоя спокойно, даже, как Мие показалось, будто дразня собеседника. Она не делала больших пауз, но ни одно слово не было произнесено быстро.

— Ты что, знаешь её?

— Мы так уж на грастий похожи? — в ответ мужчина отрицательно помахал головой, а вопрос друга остался проигнорированным. — Правильно, товарищ, не похожи. Ну так и ты кулаки побереги для кого следует, а приезжих не трогай, с них спрашивать нечего. Хорошо?

— Я ды-бы... — бородатый начал подбирать слова, пытаюсь загладить вину. — Дрянь, да просто ночью ничего не видно, я если б видел, я честно б даже с места не встал, ты сама понимаешь, я б...

— Остановимся. На том, что приезжих обижать нельзя. Так ты мне говорил, когда мы познакомились?

— Да, — уверенно сказал тот. — Нельзя. С них брать нечего.

Хлоя сунула руки в карманы и благодарно кивнула. Она смотрела на собеседника, тот тоже не мог отвести глаз. Продолжалось это недолго, чтобы у других не появились вопросы. После девушка покосилась на остальных и едва заметно мотнула головой в сторону других незнакомцев.

— А? — бородатый прямо испугался.

Хлоя наклонилась вперёд и что-то совсем тихо ему шепнула. Тот миг вышел из себя и с кулаками налетел на своего товарища.

— Ах ты сволочь! Тварь! Нельзя трогать приезжих, ты не понял?! Тебе же уже сказали, что мы ошиблись! Нельзя!

Бородатый повалил друга на землю и началась драка. Женщина начала орать и просила прекратить, упавший только защищался и не бил в ответ. Крики и ругательства привлекли внимание остальных.

— Не нужно было вот так, — холодно заметила Фрида.

— Нужно было.

— Нет.

— Фрида, давай мы просто пойдём, а не будем стоять в этой законченной дыре.

Все молча согласились друг с другом. Хлоя не спешила и шла как обычно и Мия прямо-таки чувствовала, что Фрида готова взорваться из-за этого. К счастью, так продолжалось недолго и вскоре они вышли из неблагополучного района. Переход был резким и стоило подняться по длинной каменной улочке, как они оказались на людной площади.

По правую сторону было огромное количество омнибусов⁹, точно станция какая. Таких роскошных Мия ни разу не видела в своём районе — здесь совсем другой масштаб. Слева же находилось много по-настоящему красивых на вид заведений, где еда стоила наверняка дороже, чем у Заужа. Люди сидели в заведениях, за столиками на верандах, на красивых широких скамьях и даже на ободке фонтана, что находился в центре.

Жизнь здесь кипела даже ночью, и это было ещё одним большим отличием от района Заужа. Мие это нравилось. Люди даже сейчас куда-то уезжают, едят со своими любимыми, смотрят на фонтан, на огоньки вокруг него и даже не думают ложиться спать. Звуки здесь были не громкими, но они были, и в них ощущалась романтика ночной жизни. Тревога не нарастала, ведь, казалось, люди в таком

⁹ Омнибус - вид транспорта, распространённый на материке. Являет собой запряжённую животным повозку, что может вместить от одного до пары десятков человек.

месте просто не могут обидеть, хоть на лавочке засыпай — никто тебя и пальцем не тронет.

И даже ночью здесь звучали рупоры. Их было немного и звучали они не так громко, но Мия готова была поклясться, что если уж человек на той стороне желает жителям спокойно провести ночь, то слышит эти слова одновременно каждый в Мейярфе. Оказалось, что это работает не так.

— Район невероятный. Вы тут были когда-то?

— Да, — Фрида всё искала кого-то взглядом, но Хлоя с радостью поддержала разговор. — Это не совсем район. Просто развлекательная площадь, которых в Мейярфе с пару десятков. А называются они кораллами. Ты знаешь, что такое коралл на самом деле?

— М-м-м... Штуки в воде? Не знаю как...

— Да, штуки в воде! Правильно. А здесь мало кто догадывается, что коралл — это что-то помимо этих вот площадей. Я очень удивилась, когда узнала. И это глупость какая-то, что многие океана в жизни не видели, потому что у Мейярфа есть к нему выход. Станные здесь люди.

Все трое остановились у высокой каменной стенки, недалеко от омнибусов. Хлоя держала руки в карманах и послушно ждала, как и Мия. В уши всё лез красивый мужской голос — захотелось послушать этот разговор.

— Ваша музыка, она не то что плоха, — диалог, очевидно, шёл не с самого начала. — Просто жаль, что вы не у дел. Вы помните, что всегда можете вступить в ряды грастий. Вы знаете, да и ни для кого не секрет, что платят там хорошо. С нашим грастийством не каждая армия сравнится, так сделайте же его ещё сильнее! И дело чести, и побираться точно не будете.

— Господин Мендакс, каждое ваше слово я ценю, поверьте. Но я клянусь, я вам чем угодно клянусь, что могу писать музыку, которая понравится людям. Им понравится!

— Музыка... — мягкий как велюр голос звучал безобидно, будто не хотел задеть собеседника. — Это хорошо. Но у нас музыкантов хватает, больше не нужно. Просто музыка сейчас не сказать, что очень нужна. Ни людям, если честно, ни вам. А не хотите стать караванщиком? Попадете в другие города и столько всего увидите!

— Господин Мендакс...

— Или зодчим! — говорящий звучал воодушевлённо. — У вас такие талантливые руки, они ведь могут сотворить настоящую красоту. Вот им я всецело доверяю. Точно, решено! Зодчество —

ваша стезя, мой дорогой. Знаете, меня только что будто озарило, никаких шуток! Вот зодчество — то, что вам нужно, будьте уверены. Руки у вас, конечно, чудесные. Ну смотрю и вижу создателя перед собой.

Мия отвлеклась от диалога на своих спутниц.

— Хлоя, он не мог уехать раньше?

— Не мог.

— Хорошо, — произнесла Фрида и добавила: — Прости, что сорвалась.

В ответ собеседница только сдержанно рассмеялась и довольно угукнула. И минуты не прошло, когда на свободное место перед ними подъехал омнибус.

— Предвечная, какое облегчение, — Фрида взяла Мию за руку и направилась к извозчику.

Транспорт оказался средних размеров: в салоне могло уместиться около шести человек, но при этом он был высоким — хоть в полный рост становись. Через открытую дверцу удалось разглядеть, что там есть подушки, столик и даже небольшие полочки.

Извозчик поздоровался со всеми тремя, сел на подножку омнибуса и закурил. Между ним и Хлоей возник какой-то странный и вялый диалог. Они перебрасывались спокойными фразами, но полностью были сосредоточены на дыме папиросы.

— Серьёзная поездка будет, да?

— Около того. И не такое с вами проходили.

— Эх-х... Хорошо, что вы здесь, Хлоя.

— Однозначно хорошо. Скоро вернёмся в родной край.

— Это да. У меня тут от жары голова постоянно чешется. Но ночью хорошо. Ночью я б здесь, может, и жил.

— Может и жили бы, может. — Она засмотрелась на какую-то точку и долгое время даже не моргала. — Хорошо, что по графику приехали. Люблю вашу пунктуальность.

— Такая работа, — флегматично произнёс мужчина и пальцами зачесал волосы назад, чтоб в лицо не лезли. — Такая работа.

Фрида тоже приняла участие в разговоре, а Мия отступила на пару шагов и смотрела на запряжённое животное, что пило из большого таза. Зверь этот был большим и волосатым, как як, но без рогов и не так похож на быка. Загривок и спина были бурыми, а остальная шерсть белой, и лишь часть морды вокруг глаз и носа имели серо-синий оттенок. Животное это называлось "койóрми". Мия не раз видела его за месяц жизни в Мейярфе, но ни разу не

подходила так близко. Взгляд существа казался дружелюбным и даже величественным, будто оно было питомцем какого-то правителя, а не обычным перевозчиком телег и омнибусов. Рука аккуратно легла на его ушко, чтобы погладить, и то задёргалось, будто прогоняло надоедливое насекомое.

— Можно ехать.

Извозчик завернул окурок в вынутый из кармана кусочек ткани. Все трое зашли в салон, закрыли за собой дверь и сели. Хлоя облокотилась на столик, наблюдая за двумя другими пассажирами перед собой. Фрида же копошилась в сумке, которая лежала возле диванчика с самого начала. Она выкладывала на стол разные продукты и напитки. Фрукты, выпечка, овощи, сладости и несколько бутылочек с жидкостями — всё это оказалось перед глазами.

— Вот, выбирай. Пока перекуси, а уже по приезде мы накормим тебя нормальной едой. Это, — уточнила Фрида, указывая на каждую из бутылок по очереди, — обычная вода, мети́ар, ягодный сок.

— Они вкусные? Не вода, а метиар и сок. Воду я пила.

— А... Метиар, он как сладкое молоко. Но немного острое послевкусие. Ты когда-то пила молоко?

— Ладно, — сдалась она и устало улыбнулась, — думаю, лучше просто самой всё попробовать. Извини.

— Обязательно попробуй, да. Он ещё и полезный, потому что помогает усвоить пищу. Поэтому начни с него.

Нахлынуло настолько сильное желание есть, словно настоящего голода до этого не существовало, и только сейчас он в одночасье проявил всю свою силу. Несмотря на это, в голове засела мысль, что даже в такой ситуации важно сохранить самообладание. Как бы голод ни был силён сейчас — нельзя превращаться в животное.

— А вы? Вы обе не будете есть?

— Я не голодна. Хлоя, если хочешь, тоже бери.

— Пас. Поем уже дома.

Пока ела, Мия пару раз бросила взгляд на Хлою — было в её повадках и поведении что-то изящное и красивое. Она даже сидела, даже лица своего касалась так, что попросту становилось приятно смотреть. Хлоя совсем не была похожа на Фриду. Такого же возраста, около тридцати на вид, но по своей природе совсем другая. Это сочетание двух мягких цветов: персикового и розового. Никакой серьёзности во взгляде, скорее провокация, а ухмылка — точно вызов всякому, кто на неё глянет. На вид она — сама

раскрепощённость и вальяжность во плоти. Таких людей сложно представить напуганными или замкнутыми. Они, казалось, вовсе не знают о таких понятиях.

Закончив, Мия ещё раз поблагодарила за еду и посмотрела на Мейярф через окошко — всё та же темнота. Огоньки заведений, звёзд и уличных фонарей пытались бороться с ней, но она казалась всеобъемлющей и непобедимой. Того огнедышащего гиганта в небе, прожигающего в полуденное время и кожу, и асфальт, нигде не было видно. В эти часы город не потухал и не исчезал, а просто становился другим. Сложно было представить, куда теперь шли эти люди, пусть и не сливаясь с толпой, пусть и не в таком количестве. Вероятно, пьяные возвращались к трезвым, уставшие к отдохнувшим, а сонные к уже спящим. Как ни гадай, но утром всё начнётся заново: звуки сотен разных разговоров, сливающихся в один непонятный рокот, быстро утопят эту тишину.

Расстояние до городских ворот неумолимо сокращалось, а тело начинало предательски дрожать. Предчувствие давало знать, что они вот-вот окажутся совсем рядом. И не успокаивала ни музыка, доносящаяся из круглосуточных заведений, ни мягкие огни фонариков. Они мерцали слишком далеко, чтобы согреть, — телу становилось всё холоднее и холоднее. Мия всеми силами хотела скрыть панику: не отрывая взгляда от меняющейся картины за окошком, она старалась думать о чём-то другом.

Знакомый голос вернул ощущение реальности, а та, в свою очередь, породила ещё больший страх. Сейчас они стали ближе, куда ближе, чем до этого. В эти секунды риск казался очевидным, а наказание за неудачу — неизбежным.

— Итак, мы подъезжаем к границе. Мия, ложись на колени Фриде и просто сделай вид, что спишь. Если вдруг будут звать — не откликайся. Твоя единственная задача — просто спать. Несложно, правда?

— А если они вдруг решат зайти внутрь? Или увидят, что я притворяюсь? Или... или увидят метку на руке? Что нам тогда делать? Они могут напасть на нас?

— Просто сделай так, как она говорит, — попросила рядом сидящая спутница, коснувшись своими пальцами пальцев Мии. Фрида словно знала, что ей нужно делать, — ей не дали ни одной команды. Пока Хлоя что-то высматривала через окно, она сняла свою накидку и взглядом указала на колени.

— Ложись, не бойся.

Та спешно скинула обувь и легла на бок, поджав под себя ноги. Фрида накрыла её накидкой: от самых ступней и до плеч. Мия съёжилась ещё сильнее — тело дрожало, и утаить этот факт оказалось не так просто.

Как только глаза закрылись, Мия почувствовала, как тёплая ладонь её защитницы коснулась волос. Ласковыми и аккуратными движениями она касалась головы, с каждым прикосновением открывая ей природу заботы. Это чувство, что появилось абсолютно внезапно, было незнакомым и пугающим. Ни разу за этот месяц Мия не стремилась ощутить его, не представляла его, когда лежала в постели или просто отдыхала. Она не задумывалась о том, что прикосновение человека может вызвать чувство успокоения и даже удовольствия — на это не хватало времени. Сейчас же, когда практически незнакомый человек касался её волос, чувство наслаждения опоясывало мысли и эмоции, давая призрачный шанс побороть переживания, панику и неизвестность.

Омнибус остановился. Словно музыкальная шкатулка, что перестала играть. Мелодия, которая напоминала о прошлом и погружала в свой маленький зыбкий мир будущего, затихла.

Хлоя вышла наружу, оставив дверь открытой. Мир за пределами тёмной пелены перед глазами не существовал — лишь звуки и запахи. Мия не могла открыть свои глаза, ведь у страха они были куда больше.

Мужской голос снаружи разил уверенностью, ни намёка на компромисс. Настоящий блюститель закона, умеющий наказывать тогда, когда того требует устав. Мия мгновенно пришла к выводу, что человека с таким голосом сложно провести — он любит то, что он делает. Басистый и звонкий, но враждебный, куда более пугающий, чем голос из рупора. Голос человека, который мог бы вцепиться в шею нарушителя и сжать свою челюсть так, чтобы треснули зубы, лишь бы задушить.

Начало тошнить. Паника двигалась к своему зениту. Фрида наверняка чувствовала дрожь, как и сама Мия. Она не выдержала — дыхание начало звучать прерывисто. Психологическое давление одного только голоса втаптывало всё самообладание в землю.

«Он победит. Это голос победителя».

Пальцы переплелись. Рука Фриды стала неожиданным тепловым ударом в самые холодные морозы. Горячая ладонь, которую не хотелось отпускать даже на миг. Дрожь унималась, а холод постепенно отступал. Руке стало немного теплее.

Она попыталась подумать о том, есть ли там, куда её везут, эти мягкие огни и тихая музыка. Так ли сильно там жжёт солнце, как много невольников в тех краях, насколько это густонаселённый город и есть ли там эти непонятные цветастые тучи над головой. Вопросы казались нужными и даже важными, но только не сейчас. Стало невозможно думать ни о чём, кроме страха.

Запахи Мейярфа отгоняли смрад, порождённый собственным страхом. Блеклый аромат города сейчас ощущался как никогда. Стихия, сформированная из примеси алкоголя, выпечки, овощей и застоявшейся воды. Запах прогонял чужого ребёнка, не желая ему зла, но отказываясь стать ему родным. Он выталкивал за ворота, он одурманивал дозорного и в последний раз напоминал о себе.

Послышался ещё один противный звук. Ещё один голос умелого человека, голос беспощадный. Этот звучал подозрительно спокойно. Люди с таким тембром могут без особых эмоций задавать вопрос за вопросом, чтобы раскрыть все тайны. Он брал не норовом, а упорством и дотошностью. И стоит только собеседнику осечься, грастия произнесёт: «Я знаю, что вы — нарушители. Вы — враги. Выходите немедленно». И после этого никуда не убежать, ведь догонят, куда бы ни спрятался.

Невероятно хотелось крикнуть: «Я здесь! Хватит меня мучить, я здесь, я не сплю!»

Сожаление и отчаяние — всё это потом. Но эта длинная, растянутая вдвое дальше, чем положено, струна наконец лопнула бы. Мия приоткрыла рот, пока лишь для того, чтобы тихо-тихо всхлипнуть.

Одно-единственное чувство позволяло не сломаться. Фрида оставалась рядом. Снова касалась головы, снова проводила ладонью по волосам. Пальцы её правой руки до сих пор сплетались с пальцами Мии, словно спаянная цепь. Пальцы левой были мягкими и едва прикасались, словно перья.

Мия поджала губы, и весь остаток сил, эту нелепую смехотворную горстку эмоций, направила на то, чтобы не заплакать. Она до сих пор слышала шипящий голос змей снаружи, чувствовала запах чужого города, дрожала от мысли о последствиях, но не готова была проиграть. Пока ладонь водила по её волосам, пока её пальцы сплетались с пальцами Фриды.

Секунда. Ещё одна секунда. Тактильная колыбельная отпугнула самовозгорание, которое казалось просто неизбежным.

Дверь захлопнулась. Хлоя вернулась в омнибус, устроилась, положив ногу на ногу, и потянулась. Транспорт ожил и двинулся

вперёд, проезжая мимо открытых ворот. Пара минут, и ворота остались позади — теперь за право проехать через них предстояло побороться кому-то ещё. Мия лежала с открытыми глазами, но почти не двигаясь. Хлоя смотрела на Фриду и улыбалась как-то гордо, даже надменно. Взгляда Фриды Мия не видела, но догадывалась, что сейчас он недружелюбен и суров. На какое-то время возникла очень напряжённая и режущая тишина.

— Сейчас мне просто хочется встать и залепить тебе пощёчину. Хоть это и не в моём духе.

— Всё же прошло хорошо. Остынь.

— Если есть аромат, зачем так... — Фрида была зла и растеряна.
— К чему это сумасбродство? Это безрассудно. Это неправильно. Ты подвергаешь риску и нас, а не только себя.

Хлоя на время стала серьёзнее и никакого самодовольства или ребячества в ней не осталось.

— Я даю тебе своё слово, что ситуация была полностью под моим контролем и я бы не дала ей выйти из-под него. Ни разу, ни разу не было даже мысли, что вот-вот пойдёт что-то не так. Правда. Но если это и правда было слишком халатно, то прости меня. Такая у меня глупая голова...

Хлоя прикрыла руку подруги ладонями и погладила её. Фрида не ответила, но покивала, словно хотела убедить себя, что всё хорошо.

Понадобилось время, чтобы напряжение сошло на нет и неприятная атмосфера пропала. Обе девушки переключили своё внимание на Мию. Явно не без труда, она приняла сидячее положение и, отодвинув шторку, посмотрела в окно.

Очертания знакомого города удалялись и сейчас вокруг господствовала природа. Стены города, построенного людьми, становились меньше и меньше. Запахи, голоса, узкие улочки и, казалось, даже яркая звезда, которая будет светить поутру, — всё оставалось там.

— Пожалуйста, — она не отрывала пустого взгляда от стен Мейярфа, — Фрида, разреши мне поспать на твоих коленях ещё немного. Сил совсем не осталось.

— Хоть всю ночь. Представляю, насколько тебе сейчас нужен отдых.

Мия смотрела ещё несколько секунд на стены города, в котором уместился целый месяц жизни. Потом закрыла глаза и подалась назад, чуть ли не упав на колени спутницы. Мегаполис выцвел из памяти, словно светило над головой сыграло с ним злую шутку.

Солнечный свет. Где бы они сейчас ни ехали, а здесь он был другой: мягкий и, что ли, робкий. Под такой подставляешь руку и не возникает мысли, что он обожжёт.

Проснуться получилось уже без чувства панической спешки. Не нужно больше было бояться отпустить руку, шарахаться от чего ни попадя и стараться себя успокаивать. Мия поднялась и тихо потянулась — остальные ещё спали. Фрида всё так же, сидя, будто за ночь даже не сменила положение, а Хлоя лежала напротив, закинув босые ноги на небольшой диван и прикрыв глаза запястьем.

За окном — красота. Это зелёная стихия, в которой проступал мягкий, даже воздушный жёлтый цвет. Растения здесь всё равно что песок в Мейярфе — их было много и росли они повсюду. Возле ручейков, возле редких домиков, запряжённых животных и прямо у дороги, по которой они ехали. Ветер здесь дул не сильно, но протяжно, потому листья могли шелестеть и с десятков секунд, и даже дольше. Никто не спешил: люди никуда не бежали, койорми спокойно шли по тропинкам, редкие листочки кружились и беззвучно падали на землю, а небо плыло так, что взгляд не оторвать, так оно очаровывало.

Ничего конкретного, что бы могло привлечь внимание, но Мия смотрела и умиротворение буквально окутывало её.

— Стеокс.

Фрида смотрела в окошко и сонно улыбалась.

— Так называется этот город. Хотя мне кажется, это слово жутко не подходит, — она зевнула в ладонь и выпрямилась. — Доброе утро.

— И тебе. У меня, это... вообще слов не хватает, чтобы выразить мысли. Такие яркие вещи совсем недалеко от пустыни, я и подумать не могла. Вы что, получается, где-то посреди этой красоты живёте? Зачем вообще ездить в Мейярф, когда есть такое вот прямо здесь?

— Мы живём не так далеко отсюда. На юге Стеокса. Не все же ездят в Мейярф, чтобы полюбоваться на пейзажи. Иногда это просто дела.

— Не все, да.

Фрида попыталась прогнать сон, легонько шлёпнув себя по щекам. Пока она приходила в себя, хотелось ещё немного посмотреть: на озёра, чтобы запомнить, как смешно по ним плавают птицы с жёлтыми носами, на качели под широкой веткой дерева и качающихся детей, на пушистый жёлто-чёрный комок с крылышками, что едва не залетел внутрь омнибуса. На удивительные мелочи, которым счёта не было — на всё это хотелось смотреть часами и всё равно было бы мало.

— Мия, на секундочку тебя отвлеку, — лицо Фриды тоже было тем, на что сейчас приятно было смотреть. — Хочу поговорить с тобой. Только не пугайся. Обычно эта фраза почему-то всех страшит.

— Я сейчас очень далеко от того, чтобы пугаться чего-то. Всё в порядке, не переживай.

— Отлично. Хорошо, — Фриде понадобилось несколько секунд перед тем, как продолжить. — Знаешь, что ночью, что сейчас думаю о том, чем ты со мной поделилась. Я про твой рассказ о бочке крови.

— А-а-а... Ага.

— Я могу себе это представить. И дружеский голос в твоей голове, и как из крови появляется человек. Я верю, что эта история настоящая. Но ты уверена, что это произошло около месяца назад?

— Может быть даже раньше. На неделю где-то. Но точно не позже, потому что потом я считала дни.

— Тебе слово "Скрежет" знакомо? Как событие, а не обычное слово.

— Как событие — нет.

— Значит мы что-то пропускаем, потому что у меня не сходится. Объясню. Помнишь, я говорила, что вижу свечение рядом с тобой?

— Помню, — кивнула Мия и на секунду стало не по себе оттого, что никакого свечения больше нет.

— Вот. Восемь лет назад произошло одно очень масштабное событие, которое повлияло на каждого, кто... — Фрида подбирала нужное слово, но в итоге только отрицательно махнула головой. — Нет, не так. Я попробую упрощать. Событие повлияло на весь Виоландо как таковой, без преувеличения. На каждое живое существо. И тогда я научилась видеть это свечение в людях. Но светиться могут только те, кого задел "Скрежет". Они и никто больше — в этом я уверена. Понимаешь, о чём я?

Перед тем как ответить, разум изо всех сил пытался найти логический ответ, который не смогла уловить Фрида. Казалось где-то есть лазейка, но как ни крути, а слова собеседницы строго противоречили всему тому, что наваял голос с жёлтыми глазами.

— Да. Но Фрида, я тебя не обманывала.

— Нет-нет, — сразу успокоила та, — я не о том! Совсем не о том. Я просто делюсь и хочу, чтобы со временем мы вместе нашли ответ. Я верю, но и ты поверь в мою историю.

— Хорошо, — от души отлегло. — Я тебе полностью верю. Может тогда голос очень правдоподобно шутит надо мной и никакой бочки с кровью не было? Я, по всем законам логики, должна была жить как минимум восемь лет назад.

— Как минимум, но ты выглядишь гораздо старше. Может ты и правда прожила от своего рождения около двадцати или... Столько, в общем, на сколько выглядишь. Может быть, ты появилась и после Скрежета, но тогда я ума не приложу, откуда в тебе амарантин. Свечение рядом, — объяснила та. — Называется амарантин. Но мы попробуем выяснить как было на самом деле. Может быть нужно время.

— А что за "Скрежет" такой? Это из-за него ты видишь возле людей свечение?

— Да. Могу рассказать. Хотя это так странно, рассказывать кому-то про то, что должен знать вообще каждый из живущих. По крайней мере, мне так всегда казалось.

Фрида призадумалась, а Мия устроилась поудобнее, взяв со стола первую попавшуюся булочку.

— Есть вещи, знаешь, что происходят внезапно и происходят вопреки всем законам, которые должны работать. Так и со

Скрежетом. В один из дней, восемь лет назад, с неба начал идти дождь, а...

— Чё? — перебила проснувшаяся Хлоя, не меняя положения и даже не убрав руку с лица. — А про небо ты не расскажешь? С него же всё началось.

— Доброе утро, — бросила Мия и в ответ ей только помахали свободной рукой.

— Ну да, просто я немного забежала вперёд. Что же, хорошо. Всё и правда началось с того, что небо начало меняться. Очень необычным образом меняться, потому что перестало быть похожим на то, к которому мы привыкли. И в один момент хлынул дождь. Удивительный дождь! Он не ощущался физически, но...

Хлоя отчаянно выдохнула и очень резко приняла сидячее положение. Она тяжёлым взглядом посмотрела на Фриду и сложила ладони вместе.

— Ну правда, так себе выходит. Пожалуйста.

— Попробуй, — та была явно не согласна, — если думаешь, что сможешь лучше. Мне не принципиально.

Хлоя довольно улыбнулась, благодарно кивнула и негромко хлопнула ладонями по столу. Слова её звучали оживлённее и горячее. Каждую строчку она произносила так, будто какое-то сказание описывала.

— Мия, чудо моё, а теперь представь, что ты живёшь себе в череде привычных дней. Никого не трогаешь, смотришь на солнышко, небо, всё как всегда. И в один день ты поднимаешь голову, а там пропадает твоё любимое небо и затягивается каким-то мыльным пузырьём. Оно начинает скрипеть так, будто превратилось в шлифовальную шкурку и каждый её кусочек трётся о булыжник. Невыносимый скрежет. До безобразия пугающее зрелище. И всё это не только там, где ты, нет. Оно по всему миру. Абсолютно по всему миру, Мия. В самом дальнем уголке планеты от тебя — даже там небо покрывается какой-то гадостью, но чем именно, не знаешь ни ты, ни кто-то другой. Небо переливается, рябит и колыхается, как паутина. Может это плёнка, может пузырь, а может масло какое-то. Думай, что хочешь. Представила?

— Представила.

— И тут, когда небо полностью затянулось, скрежет прекращается и начинается дождь. Он льёт, льёт и не даёт даже шанса спрятаться. Дождь проходит сквозь любые крыши и одежду. Любые одеяла и даже самые толстые слои металла. Он про-хо-дит сквозь всё, — она произнесла слоги членораздельно, чтобы

подчеркнуть. — Сквозь всё неживое, попадая на твою кожу. У тебя нет времени думать. Ты просто видишь, как капли разбиваются, но совершенно их не чувствуешь. У них нет веса, и ты замечаешь, что они и на воду-то не похожи. Ты видишь это, но ещё сильнее испугаться не успеваешь, потому что засыпаешь. Ты засыпаешь.

Мия даже прикрыла глаза, чтобы представлять всё ярче. Хлоя так сладко произносила последние слова, что время начало тянуться чуть медленнее.

— Как и каждый в мире. Всё превращается в один большой сон для Виоландо, где глаза всего человечества оказались закрыты. И начинается настоящий “Скрежет”. Небо начинает кипеть. Кипеть по-настоящему. Вверху — тысячи пузырьков, что вместе с дождём падают вниз. Каждый из них — самая настоящая шаровая молния. Они опадают медленно, но дождь не даёт убежать ни одному человеку. Все лежат на своих местах. И когда молния касается случайного человека — он перестаёт существовать. Сам становится кучей пузырьков, что лопаются и разносятся по воздуху. Человек пропадает. Один, десяток, сотня, тысяча, десятки тысяч, Мия. Жизни огромного количества людей обрываются почти одновременно. Каждой молнии — свой человек.

Тело не двигалось, ведь сознание было там, в воображении. Мия лежала в каком-то маленьком доме, беззащитная, как и все остальные. До неё молния не добралась, но жаль стало вымышленного человека, который спал в соседнем доме. Жаль из-за того, что от таких ненастий ведь никак и не спасёшься. Родился, научился ходить, десятки лет прожил и столько опыта впитал, кого-то научил и чему-то научился, а в один неудачный день лёг отдохнуть у себя в кровати и даже отскочить от злосчастной молнии не мог.

— Но кому-то повезло больше, — томно продолжала Хлоя. — В них попадала молния и... трагедии не происходило. Наверно она оставалась внутри, а может и проходила насквозь, оставляя часть себя. В этих людях появился амарантин, и они стали его носителями. В этот раз им повезло, и они проснулись вместе с остальными. Конец. Занавес. Аплодисментов не нужно.

Мия открыла глаза и по телу пробежали мурашки. Хлоя хорошо меняла интонацию и умела подбирать нужные слова, чтобы всё в воображение рисовалось само собой. Сейчас она выглядела очень довольной собой и улыбалась, прыгая взглядом то на Фриду, то на Мию.

— Ух ты. Даже слов нет. Ты очень интересно рассказываешь. Я всё очень ярко представляла.

— Спасибо. Рада, что справилась. А пока я хочу ещё немного поспать. Пять раз за рассказ зевнуть хотелось, — она легла в уже привычную позу и показала раскрытую ладонь. — Пять раз...

— Я бы справилась не хуже, — пожала плечами Фрида. — Но так оно действительно и было, просто не так красиво.

— Получается, издают свечение для тебя те, на кого упали молнии, но которые пережили Скрежет, да?

— Именно так. Я вижу носителей и сама им являюсь.

— А как ароман...

— Амарантин, — помогла Фрида.

— Да, он. Как он влияет на человека? Это же не просто свечение возле человека, правильно?

— Нет, совсем нет. Тут другое. Если очень захотеть, амарантин помогает...

— Воплощать, — коротко подсказала Хлоя.

— Спи уже! Да, помогает “воплощать” мысли, назовём это так.

— А какие мысли можно воплощать?

— Разные. Очень разные, но это я тебе расскажу потом. Тема довольно обширная.

Мия чувствовала, как волнуется. Хотелось и самой воплотить какие-то мысли, раз уж амарантин был и в ней. Может голос в голове правда решил пошутить и выдумал историю с кровью, кто его знает зачем.

— А Хлоя — носитель амарантина?

— Угу, — тихий голос напротив звучал безразлично.

— Да, — Фрида покосилась в сторону подруги. — Там, куда мы едем, почти все носители.

— А на животных падали капли с молниями? Существуют животные носители?

— Считается, что все животные тоже засыпали. Я... — Фрида приподняла брови, не зная, что и сказать. — Не задумывалась о таком. Думаю нет. Думаю, что для воплощения амарантина нужно сознание. Это не так просто.

Вопросы сами возникали друг за другом и их было так много, что точно половина из них вылетала, пока звучали ответы.

— Ну да... Ну да, я понимаю о чём ты. А как люди прекратили весь этот “Скрежет”, если спали?

— Он прекратился сам по себе. Примерно через девять часов после того, как начался. Молнии и дождь кончились, а люди

проснулись. Я даже помню, как на улице, где я жила, собралась немыслимого размера толпа, которая никогда до этого не собиралась. И все смотрели как затягивается странное маслянистое небо. Как оно становится обычным. И единственное, что осталось после “Скрежета” до сих пор...

— ... это они? — приободрилась Мия и указала пальцем за окно на одно из цветных облаков. — Вот я тоже думала, что они как-то выбиваются из всего, что они не такие привычные, как обычные облака! Я же права, да?

Фрида выглянула в окно и будто пришла в себя. Она достала из небольшой сумки гребень и принялась приводить причёску в порядок.

— Да. Они остались ещё с тех пор. Но почему они не пропали и совсем неподвижны никто не знает. О Скрежете в целом мало кто что знает. Что за небо, что за дождь, что за молнии... И почему так случилось. В общем, оставил он после себя много открытых вопросов. Очень интересное явление.

— Да, именно “явление”, ага. Это клятый катаклизм, ау, — возмутилась Хлоя, убрав руку с лица.

— А ты бурчи поменьше. И спи, а то скоро приедем.

— Я уже перехотела спать. А вот говорить о таких вещах нужно как есть. Это катастрофа для всего Виоландо, Мия, а не “любопытный случай”. Не слушай её, — Хлоя снова приняла сидячее положение, одним движением руки зачесала волосы набок и продолжила говорить куда напористее, чем до этого, иногда стуча пальцем по столу. — Вся эта история звучит как вздор, в этом и главная трагедия, чтоб его. Её невозможно передать потомкам, потому что ещё и десяти лет не прошло, а она выглядит как легенда для каждого, кто лично не пережил всю ту чушь. И это бесит! “Скрежет” настолько ломает здравый смысл, что мемуаристам остаётся только приписывать после каждого абзаца: “Всё в точности так и было, клянусь вам!” Вы бы уже спустя полвека не поверили в эту ахинею, напиши её незнакомый вам человек. А если бы поверили, так я бы не поверила. И была бы права.

Она хотела ещё что-то добавить, но напоследок только стукнула указательным пальцем по столу. Эти её слова, хоть сказаны и не на повышенных тонах, — далеко не ребячество и шутки, пусть и возмущение не было направлено на кого-то из собеседников.

— Хлоя, полегче.

— А что такого? Я сейчас — легче не бывает.

— Да. Не бывает.

Фрида отложила гребень и выждала небольшую паузу. Видимо что-то ей не понравилось, раз она даже насупилась. Вскоре она заговорила своим размеренным голосом:

— Знаешь, я сперва подумала, что ты интересуешься этими облаками с научной точки зрения, но когда ты сказала, что знать не знаешь откуда они взялись, я не на шутку удивилась. Значит при “Скрежете” тебя могло ещё не быть, но эти тучи всё равно кажутся тебе необычными. Это интересно, — она ещё раз выглянула в окно и ойкнула. — Пост. Уже скоро будем дома.

Проехав ещё немного, они остановились. Местный пост ничем не был похож на мейярфский: очередь туда была максимум из двух-трёх омнибусов, а у ворот стояли пожилой мужчина и женщина в возрасте, только и всего. Никаких тебе грастий с оружием. К двери подошёл усатый юноша в шляпе и аккуратно, даже вежливо, постучал в дверцу.

— Всё в порядке, наш человек, — Фрида достала какие-то бумаги из кармана флайо и вышла наружу. Оба поприветствовали друг друга и направились к извозчику. Оставшаяся собеседница сидела, упёршись лбом в стол, и не было видно, спит та или нет.

— Хлоя, — хотелось звучать потише, чтобы ненароком не показаться надоедливой.

— М-м? — та подняла голову и не выглядела сонной или раздражённой.

— Э-э-э... Фрида говорила мне об одном человеке, который живёт в её доме. Который знает о странных облаках больше, чем кто-либо. Она имела в виду тебя, да?

— Что? Нет, Предвечная обереги. Конечно нет. Я не исследователь, а дипломат. Мне, понимаешь, интересны более насущные вопросы. Она говорила про Ская. Ты с ним познакомишься. Он лёгкий тип во всех смыслах этого слова. Так что всё в полном порядке. В полнейшем. В самом полном из всех порядков.

— Хорошо, я буду этого ждать. А кто ещё с вами живёт в доме? Или вы втроём?

Хлоя приподняла брови и натянуто улыбнулась, чтобы передать всю неловкость ситуации. Её, судя по всему, смутил сам вопрос.

— Так-к-к... Фрида, конечно, удивительная. Не рассказала о том “куда”, “к кому”, ничего. Ничего, да?

— Просто мы говорили о другом. Совсем.

— Мы живём в замке, а не в доме. Замок — это наш дом, но главное не представляй его как вот эти мелкие хибарки, мимо которых мы проезжаем.

Мия пару раз моргнула так, словно эта информация вовсе не вязалась с любыми возможными вариантами. Затем отодвинула шторку и немного высунулась из окошка — ничего, похожего на замок, видно не было. Только едва просыпающаяся небольшая площадь, неподалёку от которой стояло несколько домиков. Ничего масштабного и удивительного: небольшой пруд посередине, несколько заведений и пара-тройка домов рядом — вот и вся площадь. Поблизости виднелась ещё одна, только чуть поменьше.

— Прямо замок-замок?

— Да, Ортóрус называется. Представляй себе замок-замок, но не перефантазируй, а то накрутишь себе, а потом увидишь и разочаруешься. Средний такой солидный зámочек. Хорошо?

— Хорошо...

— А живёт нас не трое, — Хлоя принялась считать, но сбилась и плюнула на это дело. — Честно, не до точных цифр сейчас. Двадцать или около того. Это так, общая информация чтобы сгладить углы. А то ожидать парочку людей в доме, а увидеть что-то совершенно другое — даже я б, наверно, растерялась.

— Спасибо. Это и правда хорошо, что уточнила. Теперь представляю замок и много людей.

Захотелось задать ещё вопрос, но тот показался слишком наглым. Не было ясно, можно ли такое спрашивать или это что-то личное, чем даже не с каждым другом принято делиться. Мия поджала губы, но собеседница как-то уловила, что у неё на уме.

— Спрашивай, трусишка. Мне с тобой легко говорить, поэтому с удовольствием отвечу.

— Хлоя, а вот как ты... Ну, ты же носитель, так? Я, это... имею в виду... Вот ты, как носитель...

— Какой у меня аромат, да?

— А... аромат?

— То, как я воплощаю свой амарантин. Называется "ароматом". Это тебя интересует?

— Ну... Да. Это.

— Я знала, — азартно закончила предложение девушка. Она выглядела уверенной в себе, словно её спросили о самой сильной стороне. Взяв с полочки карандаш, Хлоя скрыла его между ладонями, затем завернула нижнюю его часть в маленький кусочек ткани и протянула собеседнице.

— Я умею превращать вещи в еду. Это, например, теперь невероятно вкусный бисквит, а не карандаш. Поэтому держи аккуратно и попробуй откусить небольшой кусочек. Ничего вкуснее ты точно ещё не ела.

Мия осторожно взяла презент. Сперва она нахмурилась, ставя под сомнение то, в чём заверила её Хлоя. Но нет, карандаш действительно стал другим. Присмотревшись, стало понятно, что грифель теперь был ничем иным, как шоколадной прослойкой, а сам карандаш — мягким бисквитом, который вот-вот раскрошится. Впервые со вчерашнего вечера появилось чувство голода — видеть перед собой такую вкусность и даже не надкусить... Невозможно устоять.

Только Мия приблизилась к бисквиту, готовясь откусить кусочек, кто-то уверенным движением руки забрал сладость и сломал пополам.

— Это неправильно, — с укором сказала Фрида, окинув Хлою строгим взглядом.

— Новый же карандаш.

— Это неправильно. Ты позоришь нас, — отрезала та, взяла какой-то ключ с полки и снова направилась к извозчику.

— Вечно она ворчит когда не надо, — буркнула Хлоя, после чего уже голосом, лишённым азарта, добавила: — Мой настоящий аромат — влияние на восприятие человека. Прости, если обидела этой выходкой.

— То есть никакого бисквита не было?!

Хлоя усмехнулась, словно вопрос и тот удивлённый тон, с которым его задали, немного подняли ей настроение. Мия же не нуждалась в ответе — она полностью ощущала то, что её провели. Но это чувство обмана вызывало восторг, а не обиду. Мираж показался таким настоящим, что дух захватывало.

— Бисквита — нет, но карандаш был настоящим.

— Вот как это выглядит на практике... Я понимала, что вы не шутите, но такое!

Хлою, судя по всему, забавлял восторженный тон. Она пожала плечами, мол, ничего такого, даже захотела что-то сказать, но в омнибус вошла Фрида и закрыла за собой дверь. Атмосфера сразу изменилась.

По пути Мия не прекращала задавать вопросы, всё дальше и дальше уходя в детали. Вопросов не становилось меньше — на месте старых возникали новые. Но насколько же сладостным оказалось ощущение того, что на вопросы, хранимые в мыслях

целый месяц, постепенно находят ответы. Картина этого мира приобретала контуры, пока едва заметные, но лишаящие пустой лист его надоедливой белизны.

Омнибус заехал на холм и Мия увидела очертания не самого огромного, но действительно большого замка, что стоял прямо посреди луга. Особенно чёткую форму имели башни, не большие, но очень разные. Виднелись и высокие, и низкие, и остроконечные, и плоские сверху — каких только не было. С такого расстояния сложно рассмотреть всё и сразу. Очевидным становилось одно — он очень выделялся на фоне низеньких строений, что встречались до этого.

Когда они приближались, Мия рассматривала замок. Хотелось немного отдохнуть от разговоров — всё это ещё успеется.

Омнибус не стал съезжать с дороги и остановился в деснице¹⁰ от здания. Девушки вышли, попрощались с извозчиком, и тот поехал куда-то дальше по широкой тропе. Все трое медленно шли, ступая по низкой мокрой траве.

— Хлоя, я хочу поговорить с Мией наедине, не против?

Девушка не остановилась. Вполоборота она показала какой-то неизвестный Мие жест пальцами обеих рук, улыбнулась, а затем развернулась в сторону замка и ускорила шаг.

Мия и Фрида остались вдвоём. Обе смотрели вверх: то ли на башни, то ли в небо. Вполне вероятно, их взгляды были направлены на одну и ту же точку. Фрида держала руки за спиной и выглядела впервые за всё время их знакомства мечтательной. Мия заговорила первой, что удивило даже её саму.

— И... Всё равно как будто какая-то дыра в мыслях. Я задала кучу маленьких вопросов, но самый важный из них не сформулировала.

— Зачем я тебя привезла? — собеседница усмехнулась.

— Если хочешь, то так. Мне хочется понять главный мотив всего.

— Для меня — стать ближе. Это даже мотивом нельзя назвать. Скорее просто надежда на лучшее, — Фрида точно смотрела на башни. Смотрела с любовью и лаской, словно на живого человека, любимого и обожаемого. — Когда-то мы построили этот дом и назвали его Ортóрус. Но неправильно сказать, что это просто название замка. Для меня это скорее понятие, чем нарицательное имя. Передо мной — Ортóрус. Но и я сама — Ортóрус. Как и каждый живой человек внутри. Моя цель — чтобы и ты им стала.

— Тогда моя цель такая же? Стать его частью?

¹⁰ Десница – единица измерения длины в Эмиронии. Эквивалентна 130 метрам.

Фрида, казалось, разговаривала в первую очередь с замком, а диалог с Мией был второстепенным. Она скользила взглядом по своему дому, словно наблюдала за невидимым огоньком, который вот-вот ускользнёт.

— Я бы стала твоим худшим врагом, если бы сказала, какая у тебя цель. Потому что её осознать может только человек, которого зовут Мия. Пока не задумывайся о сложном, пожалуйста. Живи, общайся с людьми, найди свою страсть и не переставай двигаться вперёд. Ты быстро сойдёшь с ума, если постоянно будешь думать только о чём-то недостижимом и важном.

Она говорила без той уверенности, с которой умела произносить слова. Голос даже подрагивал, но Мия не могла понять почему. Сейчас не было никакой причины делать это — ни разговор, ни атмосфера не располагали к этому. Но произнося фразу за фразой, Фрида казалась здесь куда уязвимее, чем там, в Мейярфе.

— Нужные мысли либо придут, либо нет. И, возможно, одна и та же фраза сейчас и потом будут звучать для тебя совершенно по-разному. Если повезёт, то даже не одна. Но пока...

Фрида устало выдохнула. Она говорила запутанно, хотя что-то в её словах притягивало. Мия прекрасно понимала каждое слово по отдельности, но только они связывались в узелки, как смысл ускользал. Он оставался виден, но лишь едва, как марево. Волноваться было не о чем — Фрида не пыталась донести каждое слово так, чтобы его поняли. Её улыбка и взгляд, её голос, речь и даже то, как она стояла — сейчас перед Мией был вовсе не тот человек, встреченный в столице. Всё вокруг пестрило новизной, и лишь себя она ощущала пустым белым листом.

— Пока постарайся жить, и ты поймёшь, как это восхитительно и в то же время сложно.

Хлоя — дипломат с большой буквы и самый острый язык на юге Эмирнии. Бесполезно доказывать, что это не так — она всё равно переубедит всех и каждого в обратном.